

Виктор Иванович ПУЛЬКИН родился в 1941 году в карельском селе Спасская Губа. Учился в художественном училище и в университете. Работал столяром, учителем, журналистом. Заведовал отделом в музее «Киж». Участвовал в фольклорно-этнографических экспедициях по Русскому Северу. Автор 12 книг. Работает в жанре сказа, выступает как публицист. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Карелии. Живет в Петрозаводске.

СЕВЕРНАЯ ФИВАИДА

Сказания о святом Александре Свирском чудотворце и его учениках

*Памяти матери моей,
Марии Николаевны Корнеевой.*

Год тому назад, ростепельным январским днем, в мастерской знакомого художника неожиданно-негаданно встретился со священником Михаилом Михайловичем Жаковым. Он, как оказалось, знал мои книги, и я был рад ответить любезностью на любезность: немало доброго слышал и о его деятельности. Настоятель церкви Серафима Саровского в г. Пудожье Михаил Михайлович выстроил храм, украсил его целой галереей картин карельских живописцев на темы житий северных святых. Известны в республике и его начинания в издательской деятельности на базе районной типографии.

М. М. Жаков лишь в не столь давние, обозримые годы был рукоположен во диаконы, а затем посвящен в священнический сан. Философ и врач по образованию, он долго работал на севере нашего края, в Поморье. В застольном разговоре выяснилось, что фамилия пудожского священника не просто созвучна фамилии известного философа, поэта, фольклориста. С Каллистратом Жаковым мой новый знакомец находится пусть и в дальнем, но родстве.

Хозяин дома, посмеиваясь, напомнил священнику о моих «языческих» пристрастиях, рассказах о «нечистой силе». Но и тут я нашел в удивительном клирике союзника.

— Когда-то и я не верил в призраков, — сказал Михаил Михайлович. — Считал их персонажами сказок неграмотных старух. Не верил, что есть в мире и вурдалаки, и колдовские чары, и неупокоенные души. Есть, есть темные силы, духи, черти. Все это — рать сатаны, врага Божия... Ныне складывается тяжелое впечатление, что в землях наших, где уничтожили, разрушили все исконно православное, стало несравненно более, чем это было раньше, призраков и духов тьмы. Освящающее дело иноков почти совсем заглохло. Обещены церкви. Сброшены, утоплены колокола. Давно не освящается земля. Там, в преисподней неухоженных полей, огородов, зреют неосвященные овощи, злаки. И они призрачны, ибо не несут в себе настоящего, Божьего, благодатного. И какими же могут быть люди, которые столько десятилетий из поколения в поколение питались неосвященной пищей?

Неосвященная пища, вода, воздух, супружеское ложе... Жизнь от рождения до смерти, лишенная благодати, Божьего благословения. Все призрачно, неустойчиво. Постепенно земля, где справляли шабаш обманутые атеистическим учением люди, наполнилась страшными призраками. Впрочем, ныне эти призраки кажутся реальной самой божественной истины. Таков обман зрения, деформация нашей души.

Проблема в нас самих. В нашей призрачности, склонности к этому состоянию. Нечестивые поступки наши. Удаленность от Бога. Нежелание приблизиться к небесной благодати. Все уводит нас в царство теней, в окончательную мглу. Но — «обыде нас последняя бездна» — поют молитвенно в шестом ирмосе канона. И святые чудотворцы соловецкие, олонецкие и ладожские молят Бога о нас.

Непривычный облик нового знакомого, тяжелый серебряный, с финифтью наперсный крест, взволнованная, чуть возвышенная речь. Но — поговорили и разошлись. Однако через несколько дней Михаил Михайлович позвонил мне: не соглашусь ли написать для церковного чтения и последующего издания для верующих и неверующих рассказы о святых, в нашем крае просиявших. Предложение требовало личной встречи, беседы. И вот настоятель пудожского храма у меня в гостях.

Священник снял в прихожей потертую каракулевую старенькую шапку «пирожком» и засаленный черный полушубок, о котором высоким штилем житейной литературы сказали бы — «многошвенный», мы же молвим просто — многожды залатанный. Михаил Михайлович был бледен, утомлен, как и всегда при наших встречах в Петрозаводске. Ведь он приходил ко мне прямо с пудожского автобуса, который бежит вокруг Онега по ухабам более полусуток, а вечером настоятелю из Пудожского предстояло повторить этот путь.

Михаил Михайлович — мой ровесник. Родились мы с ним в самый канун Великой Отечественной, в последнюю мирную перед ней весну. Но струящиеся пряди длинной русой бороды его без признаков седины как-то вовсе уж неуместно напоминали расплетенную девичью косу. Священник твердо отказался от «фирменного» в таких случаях у нас блюда — яичницы с колбасой: не ест ни того, ни другого. Нет, и вина не пьет. «Вот чай с вареньем — другое дело... только, если можно, очень крепкий и горячий. Ах, недостойн я, недостойн ваших хлопот...» — приговаривал он, держа блюдце на растопыренных пальцах и дуя на крутой кипяток.

Все это изрядно отдавало бы игрой петербуржца, которому прискучила цивилизация — и вот он рядится в пудожского батюшку, «опростился». Так бы и подумал — если бы не руки Михаила Михайловича. Крупные, знающие тяжелый труд, они утверждали основательность, серьезность моего собеседника. И — заказчика необыкновенной работы.

Итак, исходные тексты — канонические жития соловецкого и олонецкого патериков — доступны. Красками, цветами народной фантазии, передающей отношение крестьян к православной вере и святым подвижникам, будущие сказания дополняют фольклорные легенды. Не раз мне доводилось слышать и записывать их на просторах Русского Севера. Православие питают корни глубокие, они в Библии, в трудах Отцов Церкви, в античном наследии, в речениях греческих философов, живших и задолго до Рождества Христова. Огромный пласт культуры накоплен человечеством. И дивно, трогательно переключается немудрящая крестьянская пословица, поговорка, присловье с мудрой мыслью Пифагора, Менандра, Диогена. И вновь видишь глубокую правду утверждения Священного Писания о том, что для Иисуса Христа нет ни мертвых, ни живых, но все живы...

Устрашаясь бездны премудрости, я все же тянулся к этой работе, столь новой для меня — и в то же время во многом служащей продолжению давних поисков. К тому же это повод еще раз — хотя бы мысленно —

пройти просторами Русского Севера, проникнуть во глубь прошумевших над моим краем времен. Здешние святые, канонизированные нашей Церковью, были людьми многоразличных национальностей (русские, карелы, вепсы), профессий, судеб и житейских пристрастий. Они отважно бороздили моря и озера. Кормились от земли. Занимались резьбой по дереву, иными многими ремеслами. Сограждали храмы каменные и деревянные. Плавил железо в лесных домницах. Участвовали в обороне северо-западной границы от непрошенных гостей. Об этом помнят северные — карельские, русские — легенды и предания.

— А не вызывает ли у вас протеста привлечение фольклорного материала, «мирское» начало, которое, боюсь, возобладает в моих сказаниях?

— Отчего же? — удивился Михаил Михайлович. — Из фольклора во всеоружии вышла — как Афина из головы Зевса — не только литература, но и — может быть, прежде всего, — религиозная мысль. Почитайте Фрэзера, «Фольклор в Ветхом Завете»...

Этот довод и ссылка на издавна почитаемую мной серьезную книгу автора «Золотой ветви» решили дело. Я согласился. Предпринятый труд получил благословение Его Преосвященства Преосвященнейшего Епископа Олонецкого и Петрозаводского Мануила.

Издавна Русский Север называют высокими именами, подчеркивающими его функцию хранителя культуры минувших веков. «Северными Афинами» называют наш край искусствоведы. «Исландией русского эпоса» слывет он у фольклористов. Для верующих же во Иисуса Христа здесь — обиталище духа святого православного иночества, на заре христианства восплававшего в Египте подвигом Антония Великого, а на Руси, только что принявшей христианство, — тщанием Антония Печерского. Русский Север помнит родословную здешних обитателей, духовно связанных с далеким Востоком. Недаром же малые киновии здесь называли пустынями, а укромные уголки природы — в том числе и ягодные, грибные угодыя заветные! — и теперь еще иногда кличут палестинками. В церковной же литературе утвердилось образное название обширного края Севера России — «Северная Фиваида».

Предлагаю читателям «Севера» цикл повестей-сказаний, посвященный ладожским старцам — преподобному Александру Свирскому и его ученикам, также ставшим чудотворцами.

ВЕНЕЦ СВЕТА

Сказание о святом преподобном Александре Свирском чудотворце

I

Той весной Васса непрестанно удивлялась и умилялась женским сердцем красоте и сиянию Божьего мира, совлекшего с себя снега и лежащего в наготе изначальной весны. Потом младенчески полнокровно засияла трава, раскрылись первоцветы. На пасхальной службе Васса не змогла стоять заутреню и опустилась перед святой Тихвинской иконой Божьей Матери на колени, глядя в пресветлый лик, обрамленный багряным омофором с золотой каймой, сквозь слезу радости, упования, ибо была непраздна: ждала дитя, зачатое в любви, вымоленное у Бога.

Вот выгнали впервой на бережок родимой Ояти, что впадает в синюю Свирь, пахнущее парным молоком стадо. Хозяйки понесли торжественно, словно свечи, священные во храме веточки вербы. И молодой пастух, родом с далекой речки Ваги, вышел в берестяных лапотках-верзнях, с берестяной же трубой и со свежееоструганным рябиновым посохом, весь сияя. Васса и тут, окропив лю-

бимую скотинушку водой из медного колокольца, вдруг уронила слезу умиления и радости. Молодая женщина виновато, смущенно оглянулась на мужа. Но суровый, пожилой Стефан ласково глянул на нее и пошел в кузницу — оттянуть лемех для скорой пахоты.

Потом ярко зазеленели поля — взошел на нивах хлеб. Вовремя нагнулись, пролились синие тучи. Крохотные девчонки, мальчишки, равно одетые в холщовые рубахи, плясали под струистыми прутьями дождя, задорно выпевая извечное детское песнопение:

Дождик-дождик, пуше!
Будет хлеба гуще!
Дождик-дождик, перестань!
Я пойду на Иордан,
Богу молиться,
Христу поклониться!

А потом набежала малая, но бойкая, как молодайка на торгу, тучка, и внезапно, словно рассмеявшись, прыснула скорым, звонким ливнем, насквозь пронизанным солнышком, его теплом и светом. Светилось оно во всякой капле, и жило, ликовало. Вылезла на перепляс струй, под избяную стреху хоронясь, ветхая старушонка, помнившая еще, как здешние мужики, наточив стальные жегла рогатин, ушли за новгородским князем на поле Куликово, да так и не вернулись. И сказала она, рассмехнувшись розовым беззубым ртом совсем по-девчоночьи, тоненько выпевая:

— Эко, бажные, гляньте: царевна плачет...

И услышав знакомое присловье о дожде, пронизанном солнцем, опять прослезилась Васса — от счастья слышать и сердцем, душой понимать родное слово. Ощущать зрелую, начавшую плодоносить весну. И пречисто было цветение белой черемухи, белых ландышей, потом — белых цветов лесной, укромно живущей земляники. Стефан же, бывший много старше Вассы годами и опытом жизни богаче, не по-мужнему, а вовсе отечески погладил жену по круглому горячему плечу. И сказал-шепнул в самое ухо смущенно и радостно:

— Не иначе — святого родишь, женка.

— На все воля Божья! — привычно отозвалась женщина, душою же горячо взмолилась Господу о даровании счастья на земле не рожденному еще дитяти.

И счастьем лучистым, и благодарностью Богу налилось ее сердце.

Душа же вспылала великой извечной материнской тревогой и скорбью, и младенец в золотых ризах с Тихвинской иконы глянул на нее глазами жертвенного агнца...

II

Преподобный отец наш Александр чудотворец Свирский, великий светоч Севера и предстатель за нас, грешных, перед Господом, родился в Новгородской земле, на берегу реки Ояты, в селении Мандера, что близ Островского Введенского монастыря, 15 июня 1448 года. Родители его, Васса и Стефан, были зажиточными крестьянами и воспитывали детей своих в послушании Богу. Предбудущий святой был, помнят, «вымоленным» ребенком. Когда чадо-родие Вассы прекратилось, родители отправились рука об руку во Введенский монастырь. Они пребывали там в горячей молитве и строгом, глубоком посте, моля Господа о даровании им дитяти.

...Настоятель Божьего храма разогнул древние святы и глянул на принесенного для крещения младенца. И младенец светло и разумно глянул на отца духовного из купели, так, что креститель поклонился крещаемому и по-

целовал его в темя. Наречен же он был именем Амоса, выбранным из пяти иных имен, означенных в святцах. Прозрел добрый человек и верный пастырь душ назначение чада, предначертанное всякому от рождения. И впоследствии почасту брал юноша в руки Священное Писание. Помолясь, раскрывал его на тех страницах, где помещена книга пророка Амоса. И читал о своем тезоименитом святом. Питал свою душу высоким примером ветхозаветного провидца. И сельский священник, некогда крестивший его, был с ним и преклонял седины свои на читаемые отроком страницы.

Светилась свежесрубленная сосновая плоть горенки. Трепетала под напористым речным ветром слюдяная околелка. Детский голос звенел древними словами Книги Книг: «И отвечал Амос, и сказал Амасии: я не пророк и не сын пророка. Я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец, и сказал мне Господь: иди, пророчествуй народу своему».

— Што это — сикоморы? — спрашивал мальчик, поднимая пытливые синие глаза от ветхой страницы пергаменной книги. И священник терпеливо сказывал, что это-де плоды дерев, растущих на Святой земле, обычные там так же, как у нас — яблоки и груши, схожие с ними и по виду, и по вкусу. Так что Амос был в юности своей простым селянином и собирал плоды земли, отирая пот с чела своего.

И далее читал старенький сельский священник, раскрыв книгу Ветхого Завета, загораюсь сердцем от вещих речений, некогда прозвучавших в далекой глубине веков, на иной, обожженной солнцем, страданиями и верой земле.

Золотым огнем отпылала осень. Уже крещенский мороз грезил на околелке горницы далеким югом, рисуя невиданные здесь, в Приладожье, листья перистых пальм. Уже и вновь расцвела весна, а посетившее древнего пророка Амоса вдохновение все так же волновало крестьянского мальчика, внимавшего иступленной молви прорицателя, устами которого говорил с людьми сам Господь, отверзая их для откровений.

— Вот наступают дни, говорит Господь Бог наш, когда я пошлю на землю глад. И не голод хлеба это будет, не жажда воды, легко исполнимая, — пройди пустыни, найди источник и испей. Нет! То будет великое, неисцелимое желание слышания слов Господних. И будет ходить человек от моря и до моря. И скитаться от севера к востоку и от юга — к западу солнца, ища слова Господня, и не найдет его.

И поучал мальчика старец, с любовью и надеждой глядя в устремленные на него лучистые синие очи ребенка, и радуясь, и страшась ранней серьезности, силе, в них тающейся.

— Амос древний был не из колена пророков, но из сынов пророков. Он, как я тебе уже сказывал, был крестьянином, призванным Богом к изречению неизреченных тайн Слова. И служил он Слову, так работал ему, как ниве своей отдает усердие пахарь добрый. Учись усердно, Амос. И ты найдешь себе достойную ниву для возделывания.

— Отец мой трудится постоянно, и я тружусь! — ответил начитанный мальчик по Евангелию Христовым словом. — Но плодов учения нет. Труден мне путь. Боюсь я, как страшного греха, отчаяния.

— Древнего философа спросили: «Чем трудолюбивый отличается от ленивого?» И он ответил: «Тем же, чем благочестивый от нечестивого: надеждой на лучшее». Надейся. И от всего сердца принеси молитву Богородице. Молись ей всегда и всюду. И да поможет тебе пресвятая Матерь Божия.

Так говорил безвестный сельский священник, воспитывая будущего свято-русского подвижника, совершая тихий, повседневный подвиг учительства. И даже имени его не помня, не зная, вспомним о нем и ему подобных, оставивших след и в вашей жизни, с упованием и любовью, тихой уединенной молитвой.

Отрок Амос спал мало, усердно постился. Пришла юность, отданная размышлению, покаянию, молитве. Ему исполнилось 19 лет, и родители, придя в преклонный возраст, умоляли его взять в дом жену себе, а им — покорную дочь. Но Амос к этому времени уже твердо решил навсегда оставить мир для Господа. И сделалось это с благословения Божией Матери, которой он с юных лет был усердный молитвенник. В старости же глубокой, добродетельной, как увидим, сподобился ее явления.

III

Амос был еще подростком, когда на дальнюю лесную пожню, где он вместе с родителями своими, Стефаном и Вассой, сено косил и метал стога, пришли, свернув с тракта, три монаха. Один из них был светлый отрок, другой — матерый середович, третий же — ветх деньми, глубокий старец. Косари сердечно приветствовали святых отцов и пригласили их к своей трапезе. Монахи же благословили их хлеб и соль. Амос с душевным трепетом склонился перед странствующими иноками. И старейший из них надел на шею мальчика кипарисовый крестик, принесенный из далекой Святой земли, из сурового отечества православных монахов — Афона.

Далеко за полночь пылал на поженке у реки огонь костра, и устремленный ввысь столб света его упал отражением в тихую, неслышно струящуюся Оять. Тихо было, безветренно. Лишь иногда вдруг шумно всплескивалась рыба, играя на зеркале речных вод. Миряне слушали паломников, побывавших в дальних странах света, видевших чудесное в Киевских пещерах, у теплого моря и за ним, ныне же возвращающихся к себе на Валаам. И долго еще, когда уснули уставшие иноки и косари, лежал на копне сена под ясным летним небом, усыпанным звездами, мальчик Амос, вновь и вновь перебирая, как дорогие самоцветы, слова монахов, вести о дивных землях, морях и лесах, об обычаях народов земли. Но главное же — о святых православных, киновиях Цареграда, Киева, Новгорода. О многославном острове Валааме.

О, пречудная, противоположная мирской, как небо земле, жизнь иноческой обители! От веку многие — еще от первых веков христианства! — собирали сведения о подвижниках. Описывали их образ жизни. Из тех описаний составились Патерики, Лавсаики, цветущая добродетельной, созидательной мыслью книга «Луг духовный». Посетители отшельников в пустынях египетских, в ущельях земли и на уединенных берегах искали назидания, доброго примера для людей в житиях праведных. От веку они — вторую тысячу лет! — записывали и записывают поныне поучительные изречения и вести о подвигах умерщвления плоти, возвышения духа отцов-инок. И вот — живет неистребимо память, живет и Дух Святой.

Слово изреченное, изгасая, еще долго живет и дышит, и уже не кажется нам, грешным, преудивленным чудом, когда новое нарождающееся во устах и разуме, внушенное Богом слово бывает крепко и полнозвучно согласием с преждебывшим и само влечет за собою новые речения, сплоченные ритмом скрытой премудро мелодией. И та музыка уже сама, звуча, требует себе наполнения словами и мыслями. Медленно кружился перед глазами юноши Амоса звездный купол мироздания. Срывались с него и упали, сгорая, звезды, а в памяти вновь и вновь звучали речи честных иноков.

— Только искренняя, твердая решимость служить Богу для спасения души своей и молитвы о ближних и дальних может побудить к суровому подвигу калугерства. И никто не принимается в монастыре прямо в число послушников. Всякий, пришедший в обитель, живет сначала в качестве годового богомольца. Трудясь и молясь, новоприходец поразмыслит, способен ли он к монастырской жизни. Его ли это путь. Посильна ли ноша плечам его. Он узнает братию, в среде которой желает отныне подвизаться, спасая душу.

Здесь же найдет он себе отца духовного, которому мог бы довериться в жизни духа, на путях к Богу.

— А если намерение постричься в монахи останется неизменным? — переспросил тогда, вечером, Амос — не словами, но одним взглядом синих глаз, не смея вымолвить слова. Теперь ночь была уже совсем прозрачна — как белый день, на который глядишь сквозь пластинку дымчатой керетской слюды. Цвела та пора нашей стороны, когда целуются, сойдясь тесно, сестры-зори — вечерняя и утренняя.

— Тогда, если будет на то воля Божия, еще строже станет монастырский призор. Тяжелее испытания. И лишь затем, затем, через несколько лет труда, молитв стремящийся к иноческому житию будет приписан к разряду послушников. Все они равно пользуются одинаковой одеждой. Помещаются в общих каморах. И все равно выходят на труды. Обращается особое внимание только на крепость телесных сил: маломощным назначаются занятия легчайшие.

— Но ведь труд спасения души требует и уединенной молитвы.

— Не скоро удостоится труженик особой келии. Еще больше пройдет времени до облачения его в рясофор. Это постигается долговременными подвигами благочестия, а потому принимается с великой радостью. Редкий удостоивается пострижению в мантию ранее десяти лет по вступлении в монастырь. И день пострижения — день духовного торжества для всех. Можно ли не радоваться инокам, видя соприсчисление к их сонму истинного раба Божия. Ибо, став рабом Господним, никогда не станет он рабом человеков. Не станет и невольником страстей земных. И душу свою спасет от скверны. Можно ли не веселиться и самому постригаемому!

IV

Прошла еще череда лет. Сказание иноков на дальней поже, слышанное в начале юности, где она прощается с отрочеством, только укрепляло желание Амоса уйти в киновию. И вот однажды, говорят, он попросился у родителей навестить родственников в соседнем селе, но, идя проселком босиком, с сапогами через плечо и с Евангелием в дорожной суме, вдруг несказанным наитием свернул к берегу Свири — и увидел малый челн отца своего, скрытый в тальнике. Иные же говорят, что это была утлая долбленая лодочка-однодеревка, какие и теперь еще делают вепсы, называя «рухть». Переправившись через Свирь, он оттолкнул лодку на противоположный берег — и она благополучно вернулась на прежнее место, минуя стрежень, без гребца. И юноша вновь подивился Господним чудесам.

Амос остановился для ночлега у Рощинского озера. И тут, за молитвой и чтением Евангелия, он провел короткую летнюю ночь. Было светло и ясно, когда он в смятении душевном раскрыл тяжелую книгу, ища себе совета, и помощи, и укрепления сил. «...ты с детства знаешь Священное Писание, — отвечал ему, будто к нему одному обращаясь, из сутемени веков один из отцов Церкви святой Тимофей, ученик и ревностный сотрудник апостола Павла в Евангельской проповеди. — Все Писание богодухновенно и полезно для поучения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности».

И тогда услышал Амос небесный глас, возвестивший ему, что он благополучно дойдет до обители Всемиловейшего Спаса на Валааме и со славой поработает Богу, спасая душу. И обитель создаст для спасения душ ближних своих, с ним подвизающихся, — многих, многих спасет. В великой радости восстал от молитвы юноша и оглянулся окрест. Мир был залит чудесным предутренним светом, еще прекраснее того, который некогда сиял над пожей, где спали в стогу три монаха-паломника. Ибо вместе с утренней зарей те-

перь над Рошинским озером опустился на прибрежный лес еще и велий свет присутствия Духа Святого. И Амос восстал от праздности.

Путеводимый ангелом Божиим достиг юноша Валаама. И после многих, многих трудов и лет сурового послушания — говорят, число их было семь, — принял постриг под именем, прославленным воинскими подвигами. Он и стал воинником Иисуса Христа — иноком смиренным Александром, впоследствии получившим и прославившим имя преподобного отца нашего, предстоятеля перед Господом, молитвенника за нас, грешных, преподобного Александра чудотворца Свирского.

V

Долга, многоснежна зима на Валааме. Только на праздник Вхождения Господня в Иерусалим повеет весной, а на Пасху отогреется душа обещанием лета. Зато изобилием света прольется на Святой остров несказанное здешнее перелетье, когда и сама ночь кажется жемчужной павечерью, расцветающей ранним пречистым утром. Серебром засветятся воды, а остроконечные ели сквозисто узорны, словно колоколенки, звоннички Божьих храмов. Об эту пору много бывает паломников на Валааме, как дальних, так и ближних: закончив полевую страду сева, перед сенокосом крестьяне ближних побережий ладожских приходили набраться сил душевных и телесных к святыням валаамских старцев. И вот однажды, стоя на ранней заутрене во храме, увидел инок Александр такие знакомые, крашенные ольховой корой буроватые красные холщовые рубахи чудингов, длинные белесые пряди волос, перехваченные сыромятными ремешками, тяжелые, иссеченные работой руки... Артель каменщиков-вепсов пришла с Ояти. И в воже ее инок Александр узнал товарища былых детских игр. И Ондрей узнал его, молча склонил голову в знак приветия и уважения к ангельскому чину. «Извести отца моего!» — шепнул инок камнесечцу. И тот вновь молча склонил голову, приняв просьбу.

Ведь уже три года как Александр — былой Амос — принял постриг. Случилось это в 1474 году. И вот только теперь узнали об этом родители исчезнувшего из дома сына. Радость их была велика: чадо их живо, здорово и спасает душу в православном монастыре. Но хозяйству нужен вошедший в лучшую пору работник, отцу — наследник. Стефан немедля, тем же летом, едва закончив жатву, подпоясался в путь, чтобы увидеть сына и вернуть его под отчий кров. Васса же, преданная сомнениям, не хотела насилия в выборе сыновнего пути и осталась на берегу Ладоги, молясь Господу, чтобы он сохранил им любимое дитя и наставил. Горяча и светла была материнская молитва.

И вот монах Александр увидел входящего во храм отца своего, и сердце в нем содрогнулось, когда увидел он седины отца, его согбенный стан. И удалился он в келью, рубленную из боровой сосны. Затешил свечу. Обратился мыслями к Богу: как быть ныне с призывом отца земного? Внимать ли им, разлучающим с Отцом Небесным? Навыкший книжной премудрости, он воспоминал речения древних философов, отцов Церкви, желая найти и постичь истину, чтобы поступить верно.

Исполнив монастырское правило — положив триста поклонов и многожды прочитав молитву, не нашел успокоения инок: сильно поразил его сердце вид старости его такого еще молодого — недавно, казалось! — отца. Как быть? Научи, Господи! В книге ветхозаветного пророка Сираха сказано: «Всем сердцем восславь отца своего и материнские муки родов — не забудь. Вспомни, что от них ты родился. И воздай им, как воздали они тебе». О том же глаголет и Новый Завет, Христово Евангелие: «Чти отца своего и мать. И возлюби ближнего своего, как самого себя».

Но ведь — опять сомневался и душу свою терзал инок — и древние про-

роки, и апостолы, и сам Сын Божий! — уходили от тесла и весла отцовского. Бросали пашню и ладью. И ближних оставляли в безвестье — когда призывал их единым словом к служению Господь. И по все дни, из века в век, следуют тому примеру монахи, почувствовавшие свое призвание. И Александр вновь растворил доски Евангелия, старой книги, некогда взятой им из дома в жизненный путь. И Святая Книга вновь укрепила его, напомнив: Господу угодно, дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения. Но были твердыми воинами Духа Святого.

Инок встал с колен и направился на встречу с отцом.

VI

Старый Стефан сидел в глубокой тени рубленой бревенчатой ограды монастыря. Лицо его было черно, сожжено летним страдным зноем. Лоб же и «босая» голова бледны, немощно струились по челу истаявшие волосы. Но борода была черна, хоть и с большой проседью. Инок преклонил колени перед крестьянином, отцом своим. И оба плакали от понятной всякому человеку радости встречи и той печали, которую приносит быстротекущее время.

День был тих. Ладога безмятежна — с нее лишь чуть-чуть поведали, подергивая рябью зеркало вод, ветры. Отец и сын шли по береговому приплеску. И монах внимал деревенским новостям, немалым за протекшие три года: кто и на ком женился, куда выдали подросших за это время девок. И как — справедливо, нет ли — разделили сейгод между крестьянами общинную землю. Потом меж ними пролетел тихий ангел. Помолчав, отец негромко сказал:

— Скажи, что нового, неведомого твоему отцу, деду твоему нашел ты в премудрых книгах. У нас исстари говорилось, сынок: кто меньше толкует, тот меньше и тоскует. Языком же и лаптя не сплетьшь.

Инок пытливо взглянул на мирянина и подумал, что отец, похоже, уже освоился в этом разговоре, как будто даже и помолодел, в глазах его вновь заблестал тот знакомый Александру задор, отсутствие которого поначалу смутило и расстроило сына...

— Ну, что глядишь, парень, как гусь на зарево! — уже окрепшим голосом сказал Стефан и даже плечом задел монаха, пытался и кулаком, играючи, пхнуть под ребро. И смутился: руку его встретило железо кованого пояса, надетого под рясой для наивящего истязательства плоти. — А нет — так и довольно тово. Собирайся, поедem домой. Скоро осенины, а девки выросли ныне ядрены и у нас, в русских деревнях, и на чудской стороне Ояти. За тебя пойдет любая. Клобук-то, поди, не гвоздем прибит.

Стараясь говорить грубовато и веско, отец меж тем уже восчувствовал родительским сердцем, что не придется ему увезти сына с Валаама, не праздновать сыновнюю свадьбу. Молча шагая рядом со Стефаном, иннок Александр утвердился в мысли навсегда остаться в монастыре. Но, удивляясь себе, почувствовал, как просто, легко ложится мужицкое слово, деревенская речь отца, противустоя, соглашаясь с суждениями знаменитейших риторов, прочесть которых ему дала возможность жизнь в монастыре. И прежде не однажды, перелистывая в тиши келий древние фолианты, удивлялся он, книгочей, переключке тысячеклети учености с изустными суждениями, запечатленными в пословицах, поговорках.

— Говори, я слушаю тебя, отец... Скоро нам выпадет разлука, и кто знает, сколь она будет долга.

Но и Стефан замолк, поглядывая искоса на высокого синеглазого инока — младшего своего сына, витающего мыслью в даях начитанности.

Вот речет, вспоминал меж тем молодой монах, премудрый Соломон красно,

учительно: «Пусть не прельстят тебя мужи нечестивые. Не ходи с ними по одной дороге. Отклони ступни свои от путей их. Дела их ко злему устремлены. Скоры они, злодеи, на пролитие крови невинной». У нас же новгородский мужик отрежет, как вожжой слепня схлопнет с крупа своей лошадки: «Не вяжись, лычко, с ремешком! А знаючи недруга — непошто и в пир!»

Святой Василий многомудрый и славный, что жил в Цареграде за тысячу лет до нас, рек, звеня медью литых словес: «За факелом приходит свет, за миррой благоухание. Благочестие же рождает добрые дела». А дедушко-пастух на Ояти скажет просто, но то же самое: «Честь ум рождает, бесчестье последний отнимает». Аристотель написал: «Бог может сотворить, что захочет. Из людей же воистину хорош тот, кто приносит зримую пользу и просвещение». Крестьянский философ-пахарь вторит ему со всегдашней кратостью, суровой и ладной, как рубка углов избы: «Бог творит что хочет, а человек — что может».

И таких примеров, убеждался калугер, тьма тем. Мудрость вечна и разлита широко. Но ведь одно — учение античных философов, многие из которых были и язычниками, поклонялись кумирам. Иное же — постижение Святого Писания. Люди, не поставленные на проповедь и служение, не должны братья за высокое дело истолкования учения отцов Церкви. И опять, как уже не раз бывало в жизни инока Александра, воспряли в разуме его читанные слова из Нового Завета и наставили на путь истинный: «Сказано: Внимайте себе и всему стаду, в которое Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую он приобрел Кровию Своею. Все ли апостолы? Все ли пророки? Да и все ли учителя, все ли чудотворцы? Нет. Только посланные, поставленные. Только апостолы и наследующие апостолам не повреждают Слова Божия, как многие. Но проповедуют искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе — и воистину».

Звонили, переключаясь, колокола на звонницах и колокольнях больших и малых, на большом отоке и на малых островах. Инок склонился перед отцом, прощаясь.

— Ныне это — моя страда, моя жнива. Мое веселие и утешение, — сказал Александр. — Прости, отец, родший меня. Поклонись матери...

— Прости и ты, сын! — сказал Стефан. — Искушал тебя соблазнами мирской жизни. Спаси тебя Христос. Но ведь сказано, — простонал он с последней, иссякающей надеждой, — не всем чернецам во игумнах быть. Помни: у тебя есть во всякое время свой угол, своя семья.

— Моя семья отныне — все православные христиане. Пусть каждый спасает свою душу, памятуя, что вокруг праведника спасутся многие, многие. То и честь, отец, то и цель жизни монашеской: любовь к своей душе и стремление спасти ближнего своего от врат адовых.

После обедни насад с богомольцами уходил на Вознесенье. Стефан долго стоял на корме суденышка, глядел на берег, мешая рулевому, который, ворча, управлялся с тяжелым румпелем из еловой коры. Казалось отцу, что в черной толпе иноков, благословляющих паломников с крутояра, сын его выделяется неярким, но явным и ровным свечением. И чем дальше уходил парусник, тем больше единым темным пятном становилась толпа иноков. И тем ярче светилось, превращаясь в золотистую звездочку, сыновнее обличье.

Больше они никогда не виделись. Отец по возвращении домой ушел в ближний от родного села тихий монастырь Введения во храм Божией Матери. Вскоре стала инокиней и мать. Узнав о пострижении родителей, Александр усугубил, говорят, свои подвиги. Работая в чаду и жаре монастырской пекарни, доходил до глубокого изнеможения, но покоя себе не давал. Ночами он молился под частыми звездами, предавая свое тело комарам. Утром же первым являлся в церковь. Питался лишь водой и хлебом.

«Одежду носил многошвенну», — записал высоким слогом ученик его Иродион. Скажем проще: одеждой будущего святого были рубища, покрытые заплатами многими.

Тогда же вдруг вспыхнула и стала усиливаться любовь молодого еще инока к пустынножительству. Он облюбывал себе малый оток-остров в Крестовой бухте — там от веку, со времен, когда по Русской земле ходил апостол Андрей Первозванный, любимый ученик Иисуса Христа, стоял высокий деревянный крест.

Здесь на гранитном крутом кряжике преподобный отец Александр срубил себе маленькую келейку — избушку без сеней и служб. Здесь, в тишине и забвении, ничто не мешало ему говорить с Царем Небесным.

VII

Однажды инок Александр молился у себя на малом островке, названном впоследствии Святым. Вставало и уходило солнце. Загорались и исчезали звезды. И монах изнемог, пал наземь и продолжал славить Бога, уже не имея сил поднять головы. И вот явился пред ним муж седовлас и чернобород, в котором Александр не сразу и узнал своего брата Ивана. Брат принес его в келью и выходил, возвратил к жизни, питая принесенным с собой хлебом, медом.

Когда же Александр окреп, сказал Иван, утвердив руку свою на братнем плече:

— Мужайся. Узнай: преставились честные иноки Сергей, Иулиания. Наши с тобой отец и мать.

Следующую и еще несколько ночей Александр не спал, проводя их в горячей молитве, по обычаю своему — на берегу озера, под звездным небом. Был август. Небо сияло святилами, а озеро горело их отражениями. И услышал инок глас Божий: «Александр, изыди отсюда! Иди на показанное место. И там можешь спастись». Далеко на юго-востоке, в глубоком мраке озарился оком — там, где встанет и стоять будет великий и славный Александр-Свирский монастырь.

Наутро в великой радости инок поспешил со Святого острова в свою киновию. Он предстал перед игуменом и открыл слышанное ночью, обливаясь слезами умиления перед Господним промыслом. «Воля Божья да будет, чадо, над тобой!» — благословил его киновиарх.

Отслужив павечерие, ночью, с одной лишь дорожной сумой монах покинул обитель, выйдя из воротной рубленой башни по дороге, ведущей к причалу, корабельному пристанищу. Предосенняя ночь была прохладна, но земля еще хранила жар дня, уходящего лета. И любо было босым ногам ступать по теплой пыли.

На берегу пылал костер и слышалась протяжная мирская песня. Стояла станом рыбацкая артель-котляна, прибежавшая соемкой из Заонежья. Кижане и о сию пору помнят, как их деды-прадеды ходили к Валааму, на Ладогу промышлять сига. Бывали тут на путине ежегодно. Будто мало рыбных тодь, ловиш на Онего-озере. Извечно манит северянина даль, что за окомом... И рослый вож-кормщик Панкрат, русый мужик с горячим румянцем на скулах, сказал святому человеку, подавая армяк: «Места не пролежишь, с собой не унесешь. Ложись и спи у огня. Развиднеет — выйдем на Вознесенье, если даст Бог добрую поветерь».

Рыбаки перевезли преподобного к устью Свири. Панкрат, вприщурку глянув на инока, остановил его словом и дал добрый топор, мотыгу-кикицу да суму с хлебом и коровьим маслом. И монах, как велит Святое Писание и людское вежество, все принял и за все трикраты благодарил. Божий ангел, сопутствуя святому, привел Александра, будущего Свирского чудотворца, на берег

Рощинского озера, знакомого ему по старопрежнему здесь честному житию — в молодых годах, в начале пути. Все так же шумел прекрасный бор. Плескались синие озера. Но было тогда еще полное безлюдие в этих краях. Не слышно было и переклика петушьего, колокольного звона. И склонился инок в великой радости:

— Прими меня, мати прекрасная, пресветлая пустынь.

На этот раз преподобный Александр провел здесь семь лет. Он сделал пожугу: посек лес, огненным палом выжег себе пашню. Посеял хлеб. Но более питался зеленым былием, дикими травами. Молясь денно и ночью, услышал инок с небес голос, новое себе знамение.

Зашумели сосны, преклонились от ветра — и выпрямились.

Всколебалось синее Рощинское озеро — и стало как зеркалко.

Птицы Божии перестали петь-перепархивать, как перед грозой. Но высоко, чисто было небо.

«Пала на Господень мир, на воду и землю белая тишина!» — скажут в наших краях.

Отшельник оставил молитву и вышел из кельи. Ополдень посреди уже отцветшего луга, поникших трав он поднял лицо к небу, стоя на коленях.

— Александр! — тихо позвал Господь. — Приготовил аз тебе множество людей, коих ты будешь водить ко спасению. Смотри, не отринь — сколько бы ни было их, чающих Царства Небесного.

И в зените среди бела дня увидел Александр-инок: загорелась яркая звезда. Обещание Божие, святое знамение совершилось вскоре.

VIII

Было в ту пору имение боярское в селе Кондуши, говорит предание. И сидел там царев ближний человек, именем — Андрей Завалишин.

Гоняся за дивным, светловидным оленем, наехал он на уединенную хижину преподобного. И сошел с коня. И долго, долго беседовал с отшельником. Уехал же с просветленным сердцем, повсюду славя святое житие, честной розмысел Александра, инок Божия, став его любимым учеником — первым среди многих.

И о них, преподобных святых олонцкого патерика, учениках преподобного Александра Свирского чудотворца, расскажем в свой черед и вскоре. Вторым же пришел в обитель-пустыньку Александра брат его, Иван, приавший вслед за братом и родителями иноческий сан. Но житие его на земле было кратко: Иван преставился в 1493 году, найдя честное упокоение со святыми.

Преподобный же, видя, что приток к нему ищущих пустынного жития, сердечного научения и спасения души все увеличивается, стал, ради прокорма людей страждущих, все более заниматься земледелием. Он рубил дикий лес, корчевал пни. Сжигал огромные кучи-виранды кокор и калужьев древесных. С молитвой поднимал целину, осушал болотины-гати. Сеял хлеб, перемежая беседу с Господом и страду. Наконец пахота, жатва, сенокос и неустанное строительство стали, восчувствовал сердцем, способом его общения с Царем Небесным, каким прежде бывало многодневное предстояние на холодном камне в столбе испивающего его кровь лесного гнуса.

Инок Александр устраивал общежитие, помогая новоприходцам из мира начать новую жизнь во Христе. Сам же, дорожа пустынножительством, устроил себе скит на большом расстоянии от общего жилища. И при той келейке, возле нее, была устроена и малая хранилка.

Но еще до молитвы надо на родничок сойти. Испить воды, омыть очи. У него источник был малый, в вереснике под горой. И над ним рябина толенькая. Ходил преподобный по травам, мхам мягким — бережно. И всякий

день иным путем, чтобы не измять лишней травушки, не погубить мха. Все живое. Все Богом сотворено, Бога славит, как может: цветением, духом душистым, сладостью земною...

И к той же криничке, которую святой обнес осиновым срубцем, ходили на водопой дикие звери. Раньше иных, на исходе ночи — медведь старый, седой. Потом — лоси, кабаны, иные. И преподобный никого не спугнет, не избидит. Звери его знают: горбушку хлеба с ладони брали. А коли хлеба нет, так хоть кисточку ягоды брусники сорвет отец Александр, почествует зверя, Божью тварь. Приветит Господним именем зайчика и беленького горностайку. И тварь бессмысленная просветится любовью, восчувствует Бога.

Так шли невидимые, неслышимые годы, — мягко, скоро ступая. Двадцать три года провел Александр Свирский чудотворец в пύстыне, питая людей и возвращая злаки. Спасая душу свою и души всех православных христиан, доверившихся ему по благословению Господню.

Так затеплилась еще одна лампада Христу Спасителю на священной Русской земле.

IX

Предание говорит: в 1508 году произошло новое знамение преподобному Александру Свирскому чудотворцу, великое ему видение. Когда святой молился в одиночестве, по своему обыкновению, в отходной хранилке, воссиял великий, несказанный свет. И увидел старец вошедших к нему трех светлоликих юношей, облаченных в белые одежды и освещенных славою небесной паче солнца. Александр склонился пред ними...

Отец наш и молитвенник, предстатель перед Господом преподобный Александр чудотворец Свирский узнал трех ангелов, явившихся некогда родителю народов многих Аврааму у дуба Мамврийского. Ведь с дивным прозрением, силой и упованием, истинной верой православной запечатлены они были в иконе преподобного инока Андрея Рублева для каменного Троицкого собора в Сергиевом Посаде, что под Москвой. Слух об иконе — чудной, чудотворной — паломники во времена Александра Свирского несли по Руси...

— Возлюбленный! — произнес, обращаясь к Александру, глас Вышний. — Ты видишь говорящего с тобой в трех лицах. Оставляю тебе мир, и мир подам тебе. Воздвигни на сем месте церковь и святую обитель.

— Какое имя дать церкви, которую хочет человеколюбие твое видеть на месте сем? — спросил преподобный.

— Поставь храм во имя Отца и Сына и Святаго Духа — Святой Единосущной Троицы.

После сих слов папортки крыл ангелов стали золотыми. Хитоны налились вишневым и лазоревым цветами. Плащи засеребрились прозрачным, призрачным серебрением. И взявши медяный ковш, они истаяли в рябнниках, на тропе к роднику. Там и нашел свой медельник святой, придя утром рано на источник вод. Медельник сиял на краю осинового сруба. Блестела на донце недопитая воинами бесплотной рати влага. И Александр Свирский, взявши сосуд, принес его в свой малый храм и поставил возле иконы Святой Троицы, писанной пламенной кистью алыми колерами захожим псковским иконописцем.

В том же году иноки, послушники и трудники обители всем многолюдством приняли обет великого пощения перед созданием храма. Зимой секли бору — а лес там отменный, рудовой, кондовый. Вывозили уже последним путем, на санях. Весной окорили сосну, а иные деревины опластали на тес для кровель. Брусья же для пласти порогов, крепких косяков дверей и окон, для подоконьев — как водится, укутали в овчины, чтобы дерево набралось крепости, высыхая медленно, истомно. И тут стали искать верного, боголюбив-

вого зодчего, смыслового в красоте и мере, кто бы этот храм срубил, как ему Бог велит, чтобы и Господу, и миру православному было полюби.

На строительство храма притекло множество народа — для бескорыстной усердной работы, для помощи. И не однажды иноки обители видели среди братии той трех светлоликих юношей, босых во всякую пору. За плечами их видны были сомкнутые строго белые, яко лебединые, крыла. Юноши творили людям всякую помощь — в бору, куда ездили за мхом для конопачения стен меж венцов, и на срубе, когда вздымали матерую матицу, балку; и мастеру, вырезающему узоры-прибасенки для очелей, коневого бревна или наличников, просветляли разум скоропослушные зову святые ангелы. И на трапезе для них, за всеобщим столом, клали три кленовые ложки — как и теперь еще иногда, помнят в плотницких артелях, творят крепкие обычаем русские северные древодельцы.

Стены-посомки вывели и шатер срубили. И луковички покрыли лемехом. И очелье изузорили. Но еще не было найдено и освящено место для храма. И это было дело — великое...

Паки и паки вспомним, братия, преподобного отца нашего святого Александра Свирского чудотворца!

Умоли Господа, святой отче Александр, о роде своем и о всех людях православных! Ты предстоишь пред престолом Божиим за всех пасомых тобой. Дай им, отче, вечное духовное насыщение. Да насытятся они радостью лицезреть красоту райского цветения, света Божьего лица и ангелов, поющих Царю Небесному. И пророков премудрых. И судей апостольского числа. Да сподобимся успокоиться со святыми и насладиться вечной радостью.

С нами Бог — и диавол посрамлен. С нами Бог — и купель не перестает возрождать. С нами Бог — и церкви воспрянут, вставая из руин и пепла, отрясая скверну. С нами Бог — и мертвые, торжествуя победу, вопиют: «Ни ангел, ни ходатай, — сам Бог пришел и спас нас, погибающих в забвении».

Ему слава во веки веков.

Аминь.

Х

Число братии в честной обители Александра Свирского умножалось. Слава ее росла. Многие, многие приходили, чтобы помолиться в ее храмах.

Но не было в обители священника.

Иноки уговаривали преподобного принять пресвитерский сан. Но он, по смирению, скрестя руки пред лицом, отказывался. Однако монахи упорством умолили архиепископа новгородского Серапиона посвятить их духовного отца и наставника в иереи. Серапион же, в тихой, долгой беседе наедине увидев беспорочное житие и светлый ум отца Александра, не только священником его сделал, но и поставил во игумены. И дал благословение на строительство храма — обретение им места.

Насельники киновии все еще недоумевали, не зная, где, на каком месте поставить им храм. Ждали новых знамений. Но глас Небесный молчал. И тогда пришли посконные мужики с ближних деревень. Приведя мохнатых — оттого, что зиму и лето кони стояли на ветру и морозе, не зная теплых денников, — за сельщины деревенские, потупясь, изгласили совет:

— От дедов-прадедов есть способ найти место честному православному храму. Не обессудьте, святые отцы, на слове. Надо привязать в постромки неезженному коню бревно, приуготовленное для рубки первого венца. Да и пустить лошадь на волю. И где остановится конь, там и будет храм. Тем явлена будет Божья воля.

И поблагодарили ратаев-пахарей честные отцы-иноки.

Иные же — сплавщики-плотогоны с синей Свири, пришли со своими коваными баграми, словно ратники с копьями. Возвестили зычными речными голосами:

— От веку так у нас ставят храмы, великие ли, малые, от дедич и отчич: лес, сплоченный в плоты, да будет пущен на волю волн. И где пристанет, там рубить. На хоромы приуготовлен лес — ставить посад. А на храм — так сограждать собор ли, церковь или малую часовенку.

И за тот совет низко поклонились иноки мужам-плотогонам.

И тогда прибежали, слыша весть, что место для церкви доселе не найдено и монахи бояться греха — изыскать место храму беснованием древних кудес, — прискакали бабы-портomoйницы со Свири. Много их стало в округе, ибо уже и посад встал вокруг киновии, закипела мирская жизнь. И сказали свирянки, смело глядя в потупленные очи святым инокам:

— Нет вернее обычая: обрящется икона где ни на есть под кустышком — на том месте становятся храм.

И на том совете благодарили иноки. Однако сказали с горечью:

— Бывал тот верный обычай в прежние времена, до Батыгина приходца. Ныне вера оскудела.

И почти готовый храм, разложенный по десяткам — «чинам» — венцов, со стропилами, покрытыми тесом, стал серебриться, теряя первоначальный золотистый цвет плоти свежей сосны. Но то беда невелика. Надо только найти, где пригоже — красно и Богу любо, и душе утешие — встать Божией церкви. А не найдут места — и пойдет пря и распря великая промеж христиан.

И Александр Свирский, преподобный отец наш, с горя в лес побежал, — только бы не видеть укор и лютость спорящих. Вот стоит он в белом березняке, в ряске, крашенной настоем черемуховой коры, счерна черней, босиком на мху зеленом и белом. Тоскует. И тут, сказывают, явился к нему ангел Божий в мантии и куколе. А крыла у ангела Божия светлые, с золотистыми папортками — сверкающим исподом блещут крыла... Он ясно, приветно глянул в лицо преподобному. Позвал за собой главы своей киванием. И безгласно указал место для храма: назнаменовал его крестообразно сложенными руками.

И тогда свет жарко пролился на то место, где прежде была только брусничная поляна. И загорелись ягоды, как драгоценные камни. Лес же вокруг запел, возрадовался многозвучным птичьим пением, хотя время уже клонилось к осени и Свири налилась густой сентябрьской синевой. И святой преподобный отец наш Александр Свирский чудотворец восславил Господа за милостыню — указание места, где быть и слыть храму.

XI

Отовсюду меж тем содвинулись тяжелые синие тучи. Повеяло холодом. Нужно было спешить подвести хранину под кровлю, собрать срубленную по частям церковь воедино.

На месте, назнаменованном ангелом Божиим, плотники водрузили березовый крест, сияющий праведной белизной. Мастера сошлись в монастырь отовсюду — самолучшие славутные и натодельные. Они скоро обложили тот крест венцом алтаря. К нему прирубили обложной венец самой церкви и обширной трапезной, где быть братчинам, и совету, и учению малым отрочатам из ближней от монастыря слободки.

И всякая артель со своим славнейшим мастером в головах стала собирать посомки — чин за чином, десяток венцов за десятком, складывая готовые, с прирубленными углами и вынутым пазом бревна, балки, матицы, стлани. К вечеру стали вздывать стропила, прирубать крюки куриц. Укла-

дывать на них бревна-потоки, в которые упираться концам тесин, сверху прихваченных тяжелым резным шеломом. А другие мастера уже выводили звонницу под высоким шатром. Резным лемехом обшивали главки. Ухал тяжелый, из березового нароста, похожий на богатырскую палицу курик, сбивая венцы наглухо, сажая бревна на потайной шип. А соединил скорую, видную работу — сборку храма! — сам преподобный Александр Свирский чудотворец в добром согласии и совете с зодчим.

Пока одни еще выводили стены-посомки, другие неподалеку вытесывали сосновые осьмиконечные кресты: широкие, прочные, с «яблоком» у основания. Дети и подростки везли из темного леса пахучий свежий мох. Тут же, вертясь меж плотников, мшили — ровно укладывали на венец мох под новый венец. Девы и бабы готовили обед плотникам. И те обеды были в меру обильны, но постные. Чтобы не мешать жирным варевом светлому розмыслу, святому делу сограждения храма. Не затмевать очи истомной ленью, сердце — греховными помыслами.

Над работой, идущей стройно, благодатно, невидимо назнаменовывал благословение Божие крылатый ангел. Небесные серафимы витали, трепеща широкими крылами. Двумя прикрывая себе ноги, иными двумя сокрывая лик, летали шестокрыльцы. И святой преподобный Александр Свирский видел их. Ибо близок был конец спорой работе — и близок был благословивший ее Господь.

Радовался, отойдя в лес, подале от шума, стука топоров, и неуголимо, жарко молился преподобный Александр, совершая тяжкий и сладостный труд общения с Богом.

Рассказывает старый книжник. Спросили однажды великого в египетских отцах пустынноика Авву Агафона: «Какая, отец святой, добродетель в подвижничестве труднее других?» «Простите меня Христа ради! — ответил он. — Недостоин я судить о том. Но, думаю, нет более трудного дела, чем истинная молитва».

Ведь как только захочет человек молитвою очиститься, так враги стараются отвлечь его. Ибо знают они, что ничто так им не противодействует, как обращение грешного человека к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек после усиленного труда, получает он успокоение. Молитва же до последней минуты жизни молитвенника требует борьбы с бесами.

И проходя ли мимо громокипящей работы созидания храма, участвуя ли в ней, как простой трудник, не раз ощущал Александр, что и сама богоугодная работа есть не что иное, как молитва Господу. Может быть, самая теплая и слышимая Творцом, который ведь и сам — Делатель.

И еще сказал, вспомним, один из великих сирийских отцов восточной церкви: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело, не скорбело сердце, вменяется Господом заодно с недоношенным плодом чрева. Ибо такая молитва не имеет в себе души».

Молитва — знал и сердцем человеколюбивым, и твердым мужеским умом преподобный Александр Свирский чудотворец — есть подвиг пожизненный. Начинается трудом. Продолжается — в труде. И кончается усилиями труда.

Она сама, чадо, есть труд души до самой смерти тела.

XII

При освящении того первого в Александро-Свирском монастыре, еще деревянного храма Святой Троицы, говорят и передают из поколения в поколение, впервые ярко проявилась духовная прозорливость отца нашего, преподобного Александра, предстоятеля за нас перед Господом.

Был другой день после праздника Троицы — в ту пору церковь отмечает память о Сошествии Святого Духа. Цвело и благоухало перволетье. Бого-

мольцы на седьмую седмицу особенно умиленно и щедро делали подношения на строение, украшение храма, на сосуды и иконы. Кто нес малые деньги. Кто — телячью кожу для переплетения книг, прястень пряжи, кусок полотна, а то и просто меленку жита в берестяном туесе для братчинного пира. Всякий дар был принят преподобным с низким поклоном, великой благодарностью. Ибо сказано: «За все благодарите».

Помнят и рассказывают в ближних селениях поныне. Пришел из деревнюшки Пильмозера некий человек, которого знают и по имени: Григорий. И этот Григорий тоже восхотел внести лепту. Да и немалую, ибо был он крестьянин прожиточный, состоятельный. И вот протянул он иноку босому, Александру, серебряную новгородскую гривну. Но старец молча отвел дающую руку. И ахнул, расступясь, народ, чтобы ошеломленный Гришка возмог выйти из храма вон.

И вот отверженный мужик дождался конца службы. Поздно вечером иеромонах затворил с береженьем храм. Перекрестился, склонясь перед надвратной иконой.

Опустив голову в клобуке с воскрилиями, сложив на груди руки с выточенными из можжевельового дерева четками, святой медленно шел, усталый, в келью для совершения ночной одинокой молитвы и отбития бесчисленных поклонов.

И тут Гришка распояской вышел из-за костра — дровяной поленницы встречу иноку. Пьян, дерзок свыше меры, дрожа от обиды и злобы.

— Ты не знаешь меня, старик! — сказал он. — Так отчего же не захотел принять моего подношения?

— Лица твоего, и верно, не зрел я до сего дня, — сказал святой инок. — Но этого ведь и не надобно. Рука твоя, протянутая с даром для храма, осквернена. И много от нее исходит смрада.

— Отчего так, отче? — возопил, ужаснувшись, мужик, взирая с отвращением на свою десницу, отрясая ее и вытирая полую сорочицы. — Не ведаю, где засрамотился, открой, отче!

— Ею, чадо, страшно молвить... ты мать, тебя родшую, биешь и тиранишь.

Повалился Григорий на зелену траву, обнимая босые ноги старца. Протекла кроткая минута: недвижны были листы дерев. Тихо мерцали, переливаясь разными цветами, высокие звезды полуночного неба. И молвил, смягчася, святой старец грешнику:

— Не мне — матери пади в ноги. Прощения проси. Покайся, чадо, и перед Богородицей. Ее огорчил крепко... Да боле не делай так. Не помышляй никакого зла, не копи в душе яд. Не огорчай Царицу Небесную небрежением матери земной. Ни делом, ни помышлением. Ни, избави Бог, бранным матерным словом.

Когда же Григорий, много дней постясь и молясь Господу, его Пречистой Матери, покался и раскаялся, лицо его осветилось дивной и ему самому красотой и чистотой, а руки перестали испускать зловоние. И старец с поклоном принял от него лепту на украшение храма, не отвращаясь более от протянутой со смирением руки.

И этот рассказ — истинное предание наших дедов-прадедов, который они передали нам в память о святом Александре Свирском и в доброе нам научение. И теперь ведь не единожды примечаем: не утаишь злодейство свое, бесчинство.

И есть загадка — ее часто малым детям загадывают, и они знают и скажут отгадку.

— Что такое: стоит печь — горазда печь? И что на поду у нее варится, то на печном челе отразится?

— Грешная рожа! — скажет дитя и задумается.

Ты это знай: грешишь-грешишь, да лик-от себе и испортишь. И будешь страшен, зверообразен, смраден.

Ведь когда-то, вспомни, и бесы были ангелами света. Но, отпав от Господа Бога, стали ангелами бездны...

XIII

За антиминомом и всем необходимым для освящения новой церкви преподобный послал в Новгород к архиепископу учеников своих, Феодора и Тихона.

Сам же продолжил молитву за братию, за святую землю Русскую.

И вот деревянная церковь Живоначальной Троицы была освящена.

Немного позднее, в 1526 году, рядом построили и тезоименитую каменную храмину.

По слезной, смиренной просьбе братии преподобный Александр принял, наконец, игуменский сан. Но и став киновiarхом, он отличался прежней кротостью, редким братолюбием. Как и доселе, ежедневно ходил в пекарню. Месил тесто. Рубил дрова.

Вот рассказывают старые люди. Однажды в праздник Святой Троицы сошлось в монастыре на молитву множество паломников. В поварне же не было воды. И келарь Роман постучался в келью настоятеля, совершавшего монастырское правило — клавшего глубокие земные поклоны перед киотцем с иконами. И вот этот Роман встал, растопыря руки, на пороге, и плечи его были — от косяка до косяка.

— Отче! — воззвал он. — Вели праздным инокам пойти с ушатом на колодец. Нечем творить тесто.

— Я празден, — сказал ветхий годами святой старец. Взял бадейки и коромысло, отправился, благословясь, на источник. Монахи же, завидя это, повыскакивали из келий с плачем. И принесли воды в поварню с большим запасом впрок.

В иной раз было вот что. Пожаловались монахи игумену честному, что в пору жатвы им особенно тяжело молоть зерно ручными жерновами. Ведь изнурительная многодневная страда, зерно же летом мягкое и молоть его трудно. Тогда игумен затеял строительство водяной мельницы. Монастырь стоял неподалеку от Святого озера, которое находилось чуть выше, чем другое, Рошинское. Разделяла их лесистая Стремнина гора. Когда же иноки прокопали по ее склону ров и вода устремилась в нижнее озеро, волны стали подмывать рубленную из сосны стену монастыря. И угловая шестигранная башня опасно накренилась.

Преподобный Александр Свирский чудотворец призвал Иисуса Христа и Пресвятую Матерь Божию. Десницей начертал Александр крестное знамение на быстрине вод. И стихия смирилась. Стремнина вошла в русло, вращая водяное колесо. Башню же поправили в тот же день мужики — плотники из ближней деревни.

Еще и при жизни преподобного явлена была людям и ему самому сила его святой, слышной Богу молитвы. Сильна вера молитвой. Но жива она и преданием, людской памятью. Сам древний пророк Моисей, хотя и начертал Пятикнижие, но вместе с тем давал наставления, питаемые и преданием, говоря: «Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов. Спроси отца своего, и он возвестит тебе, старцев своих спроси — и рекут тебе». Так же распространялось и Новозаветное Божественное учение. Вот сказал апостол Иоанн, любимый ученик Христа и спутник Царицы Небесной в ее странствиях по лику земли: «Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна».

В своем всечасном игуменском житии преподобный руководствовался примером святого Феодосия Печерского. К примеру, имел он древний обычай, блюл суровый порядок — всякую ночь обходить келии. Ежели монахи молились, читали книги, делали какое ручное дело — святой Александр прославлял Господа и, светлея ликом, уходил, удаляясь легкой поступью.

Но если замечал, что двое-трое монахов сошлись для пустой беседы, праздного разговора, — крепко ударял пастырским посохом в дверь не единожды. А утром рано призывал полуночных собеседников к себе. Обличал иноков, грешных грехом празднословия, виновных в небрежении к монашескому правилу, твердо, строго. Но говорил притчами, учительно. Издалека, горестно подводя учимых к пониманию их падения. Возвращая на путь исцеления души, чистосердечия.

Епитимью же накладывал суровую. Особенно если не замечал в провинившихся раскаяния. Призывал к покаянию, видя в нем ключ к вратам царствия небесного. «Приближаться к Богу нужно милостью, любовью и послушанием, — учил Александр Свирский. — А также смиренномудрием, кротостью, воздержанием, терпением, постом».

Преподобный Александр Свирский чудотворец при жизни признан был святым.

XIV

Слух о преподобном Александре и его честной обители на синей Свири распространился широко по градам и весям Святой Руси.

И многие, многие притекали к нему, чтобы получить разрешение от недугов, печалей тела и духа. Получая от угодника Божия утешение, исцеление, посетители делали щедрые пожертвования на прокормление братии, построение обители. Сам царь и великий князь всея Руси Василий Иванович знал о преподобном. Уважал его доброту и мудрость. Слал дары.

Когда в обители началось строительство новой, каменной церкви во имя Святой Троицы, великий князь прислал из Москвы большой обоз с известью и белое каменье — из каргопольских, на Онеге-реке, каменоломен. Плиты красного кирпича обжигали оятские гончары-чухари. Гвозди, скобы ковали на Устюжне-Железнопольской. Золото для куполов, битое в тонкие листы, везли кое из подмосковных городов, кое и из Пошехонья, от тамошних золотобоев.

Следом за обозом пеши пришли суздальские, владимирские каменщики. В двух дровнях с ними, каменных дел мастерами, прибыло семейство чернородого, вспыльчивого норовом зодчего: сам тектон, его матерая жена да трое взрослых сыновей. И те парни тоже приобыкли к циркулю и мерному вервию, ко всякой художной хитрости храмового каменного строения. А женка варила им густую кашу, ершовую уху. Да во всякий день ставила на стол блюдо-чарушу с синим белозерским луком. Иной вари, а паче того — с чужих рук зодчий сам не ел и сынам не велел. Особливо строг был к хмельному питию: на дух не терпел.

— И еще велел нам великий князь соградить вокруг тоя каменной церкви, — загудел, глядя в сторону и набычась, приземистый зодчий, — келии «покоем», сиречь — подобны в начертании букве «п». И деньги за то вперед дал. А ты, отец игумен, нас на то благослови!

И казал зодчий-каменщик городок малый — храм со звонницей, хоромишки для монашеского обитания, резаны из дерева так, чтобы наглядно и понятно было, как замыслили зодчие дело. Преподобный же дивился много красоте, соразмерности храма, доброте келий, премудрости мастера и благодарил Господа за щедроты его. А что ереслив, ершист тектон, парни — угрюмцы, то ладно. Навидался ласковых, гладких речами, — больше туняеды.

И тут взялись страдные и, может быть, самые счастливые дни в жизни

преподобного Александра Свирского. В белом камени навечно паки и паки утверждалось присутствие Божие на земле. Ведь икона — изображение Господа, Царя Небесного и Царицы Небесной. Да и храм Господень — тако же являет лицо, облик Бога и предстоящих ему святых...

Помолодевший, в белой каменной пыли и извести, был неотлучен игумен от зодчего. И сжалось сердце у обоих, когда пришел час прощаться... Условились встретиться — если даст Бог! — через малое время для новой работы. Ибо вызрели новые надежды: построить храм Покрова. Зодчий обещал, забыв в тот час, что человек предполагает, Бог же — располагает. Как сказано у пророка Иеремии горестного, в Ветхом Завете читаем: «И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь. Только народ Мой не знает определения Божия».

Построена же и освящена была каменная церковь Святой Троицы в монастыре святого преподобного Александра Свирского чудотворца в 1526 году от Рождества Христова при архиепископе новгородском Макарии.

XV

На закате жизни новое видение посетило святого.

Старого зодчего уже не стало на свете. Но пришли, по-отцовски крепко ступая, в монастырь для новой работы, помня завет и обещание, три его сына. Сидели долго над чертежами, не говоря ни слова, но внося поправки тонким ольховым угольком в расстеленный на столешнице рисунок, переглядываясь. Однажды, восстав утром рано, помолясь и вовсе отказавшись от еды, в один день сделали малый ковчежец — храминку из дерева, какой быть церкви Покрова Пречистой Богородицы на каменное дело. Переглянулись уже весело — и игумену тоже понравился предбудущий дивный храм.

Тогда пошли и обметили место, крепко натягивая вервие из угла в угол по сторонам и крест-накрест. Чтобы строгой красоте отвечала и мера дома Божия. А для крепости основания засыпали его гравием, щебнем, положили по углам обложные камни. Начало работы отметили сугубым молебном, крестным ходом идя посолонь, по ходу солнца, вокруг места храмовоздвижения. При этой церкви с запада солнца должна была быть паперть и трапезная палата, как в старых северных деревянных церквях. Трапезная потребна для учения малых отрочат, для творения суетов, советов меж братьев. На иную пору — и богомольцев приютить, накормить: их приходит в обитель все более.

Старец сам месил известь, как бывало и допрежь того. Вместе с трудниками тянул с пристани, сгибаясь до земли, тяжелые тесаные глыбы белого камня. И все, помнят, улыбался светло своим мыслям. Переступая через натянутое мерное вервие, видел, прозревая мысленно, красно украшенную церковь, святилище алтаря, изузоренные лавицы трапезной. А иконы, Господи! А благолепие расписных тябл иконостаса! Паникадила, «тощие» свечи, расписанные яркими колерами нарочитым мастером, какого еще предстоит найти и согласить в чуждеальнем монастыре.

Однажды вечером, после долгого летнего дня нескончаемых хлопот, после службы, где пелся акафист Пресвятой Пречистой Богородице, прилег преподобный на лавицу в своей келейке. В последнее время он стал слабеть. И не всякую ночь мог провести в бодрствовании, молитве. И вдруг святой Александр Свирский восстал с ложа, просветлев. Кликнул келейника — им был тогда молодой послушник, будущий олонецкий святой преподобный Афанасий Сяндебский, рассказ о котором вы также найдете на этих страницах — ему посвящено иное сказание. И когда Афанасий предстал пред наставником своим, сказал преподобный, сияя умилением и радостью:

— Дитя. Поди сюда. Послушай и погляди, трезвясь и бодрствуя.

Юноша подошел к старцу, осветленному сединами и душевным волнением. Тревожно глянул в его синие, младенчески чистые глаза.

— В этот час, чадо, будет чудное, благолепное посещение.

Восстав с лавицы, взял пастырский посох, поправил воскрилия клобука, торжественно, медленно прошествовал старец к двери келии, растворил ее широко. Сначала ничего не было видно — только синела ночь, темнели старые ели. Но потом вспыхнул великий свет, разлился над монастырем и заплескался, как долго-долго длящаяся зарница. И тогда, словно серебряные, замерцали, загорелись белые камни чуть приподнятых от земли стен будущего храма.

— Что это, отче? — воскликнул молодой келейник, прикрываясь рукой.

— Зри, помни, иным Расскажи, что видел. Свидетельствуй по прошествии лет то, что увидишь сейчас.

И вот юноша узрел явленную старцу сидящую на алтарном месте, как на высоком престоле, Пречистую Богородицу со смеющимся и тянущим ручонки к людям дитятей, Святым младенцем. Над ними клубилось великое воинство небесное Ангельских чинов, ей предстоящих. Меж ними ангелы, херувимы и серафимы. Одесную же и ошую Девы блистали золотыми доспехами, алыми плащами и крылами снежно-белыми небесные воеводы — Михаил и Гавриил архангелы, архистратиги.

Афанасий стоял, не в силах пошевелиться и отворя, по отроческому обычаю, рот при виде красоты той, величия сил Небесных. Преподобный же пал на колена, плача от радости лицезрения чуда. Но Царица Небесная ободрила его, благословив обитель Александра Свирского, простирая тонкую блистающую руку. И долго после того при свете лампы, до самого часа заутрени, молились плечом к плечу и поклоны клали многие старик и юноша. И лились слова, рожденные глубокой любовью души к своей спасительнице, к Матери Надежды Земли.

— Воззовем к ней, дитя! — слабым голосом говорил старик. И юноша вторил ему полногласно. — Благословенна ты в женах. Ты одна уврачевала печаль и грех Евы. Одна ты отерла слезы рыдающей, понесла цену искупления мира. Ты получила от Господа для сохранения, для взращения сокровище, драгоценнейшее жемчуга пресветлого. Ты одна прияла во чрево без вожделения, родила без болезни...

Уже утренние птицы проснулись и запели в ветвях берез над старой, маленькой избушкой без сеней и служб — кельей светоча Руси, Александра Свирского. Легкий пар завис над озером Рошинским. Звонче зажурчала вода в заплотах ближней мельницы. Спал монастырь. Лишь страж, ничего не уздавший в ту святую, необычайную ночь, обыденно ходил по деревянной стене, постукивая в свою осиновую, звонкую колотушку-било. Все так же чист, свеж был голос отца Александра, восторженно паки и паки зывающего к Богородице, явившей ему великое, редкостное чудо...

— О, благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего. Он — плод, но не семя. Цвет, но не страсть. Сияние, но не тварь. Сопрестольный, но не меньший. Солнце, но не прах. Поклоняемый, а не сотворенный. Цена избавления, а не долг...

— О, Богородице, Дево Пречистая, благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего...

Легкий, чистый звук колокола на монастырской звоннице родился и поплыл над озерами — верхним и нижним, достигая Свири и Ояти. Шириась, он благовествовал, мнилось, отсюда и всей земле Русской.

Ибо вослед преподобному Сергию Радонежскому, Святителям Соловецким Отцам Зосиме и Савватию новым светочем становился своей земле и отец, молитвенник и заступник наш перед Господом святой Александр Свирский.

XVI

Но вот пришел неотвратимый, горестный для всякой твари земной, но пресветлый для христианина час преставления. И преподобный встретил его как подобает — с истинным смирением, кротостью. Учитель и отец собрал братию в новой, еще молочно пахнувшей известью, гулкой и несказанной чистотой сияющей трапезной церкви Покрова Божией Матери. Святой отец говорил медленно, трудно. Но глаза его излучали глубокую любовь к чадам духовным.

— Пребывайте в заповедях Божиих, — наставлял он. — Имейте, заклинаю вас именем Иисуса Христа Сына Божия, меж собой приязнь, братскую любовь. Берегите чистоту душевную и телесную.

Догорал август — конец уборочных работ. Миновал третий — Хлебный! — Спас. В деревне солили огурцы, а кое-кто и поспешал квасить капусту. Тихо, так тихо стояли иноки вокруг ложа своего игумена, что из слободки, что разрослась возле стен монастыря, явственно донеслась песня — славословие новинному хлебу, петая трепетным девичьим голоском:

Растворю я квашонку на донышке,
Я покрою квашонку черным сободем,
Опяшу я квашонку чистым золотом...

Кончался полными амбарами годовой труд пахаря. Кончался и старинный год наших пращуров. В сентябре отмечалось Новогodie. Но как мужика, хозяина большого семейства, и в сытное осеннее время не оставляет забота о чадах и домочадцах, так и начальный инок, устроитель киновии, даже и близясь к торжественному мигу преставления своего, овладеваем был земными заботами.

— Молю тебя, Иродион, брат, духовник и агиограф мой, пошли немедля с надежным гонцом написанную мной духовную грамотку архиепископу Макарию Новгородскому. В ней я прощения у него прошу и благодарю за все. И отдаю ему честное братнее последнее целование. Да прошу святого отца пожаловать меня напоследи в просьбице. Чтобы поберег и оборонил вас, детей моих во Христе, священников и всю братию от сильных людей и от ратных иноплемennых. От всех неправд мира сего.

Игумен обвел очами предстоящих ему, а слухом невольно ловил песенку давешнюю, славящую хлеб новый, насущный, данный Господом на дни, которые, знал, не узреть ему. Но и песня сгасла. Полная тишина стояла в келье, хотя немалое число иноков предивно вместило ветхое жилище. Тут были и давние, и юные ученики его. Пришли и дети духовные, подвизающиеся по иным монастырям. Иные и сами давно стали строителями, киновиярхами. Словно страницы долгой жизни переворачивая, переводил глаза отец Александр с лика на лик чад своих духовных.

Вот четверо стоят плечом к плечу. Разнолики и разновелики по возрасту. Им предстоит стать преподобными, чудотворцами. Носить чтимые и поныне имена угодников Божиих. Седобородый — как летит время! — Адриан Андрусовский. Вошедшие в лучшую пору мужества и силы Геннадий и Никифор, основатели Важеозерской пустыни. Вот припал к ложу учителя Афанасий Сяндебский, ясноглазый, черноволосый юноша. Ему еще так нужно научение, руководство на многотрудной стезе...

Вот шестеро подвижников благочестия — и эти стоят по другую сторону скамьи, все как один — на коленях. Это Корнилий Паданский, Дионисий Сермакский, Ферапонт Вознесенский. И пусть ныне у нас нет подробных сведений о житии и подвигах иных трех стоявших в изножии одра Александра Свирского — святых преподобных Ионы Яшезерского, Кассиана Соломенского, Иоасафа Машезерского, имена их чтимы и поминаемы правосла-

вными христианами в соименных приходах. А где эта память стерлась, там она восприняет вскоре.

Был миг высокий и торжественный. Уходил из жизни земной в жизнь вечную единственный из русских людей, которому было знамение Пресвятой Живоначальной Троицы — прежде того явилась она Аврааму у дуба Мамврийского, а до него и после не случалось того, что назнаменовалось преподобному отцу Александру.

— Ныне телесно ухожу от вас,— снова проговорил преподобный.— Но духом с вами неотлучно, вечно.

Голос преподобного был звучен, лик радостен. Иноки теснее сомкнули круг. Встали, соприкасаясь плечами. Не слышалось ни плача, ни стенания, но только ропот молитвы.

— Игуменом же, внемлите,— велел святой Александр,— после себя нареку вам не одного, но нескольких священников. Тебя, Исая. И тебя, Никодим, брат мой во Христе. Вас, чада — Леонтий и Иродион. Все вы — старцы добродетельного жития. И кого из вас изберет братия, а архиепископ Новгородский Макарий благословит, тот пусть и возьмет игуменский посох. Простите меня, много и много грешен пред вами и Господом.

И тогда возопила в горести велией братия, кинувшись к ложу старца, став близ него на колени:

— Где нам положить тебя, отче праведный? Где похоронить твоё честное тело?

И сказал старец, изронив слова, от которых возрыдали, ужаснувшись, чада его духовные:

— Свяжите тело мое грешное крепко-накрепко, стяните вервием по рукам и ногам. Отволочите в дебрь лесную, в хлябь болотную. Там, закопавши во мху сыром, затопчите ногами скудель неизбывного греха — смрадную мою плоть. Да освободится от нее душа моя навеки.

— Не можем того! Не вели, отче!

— Тогда — пожалуйста: не хороните в святой сей обители, осиянной столькими пречистыми знаменами. Положите у церкви Преображения Господня в моей старой лесной пустыньке.

Преподобный отец наш и молитвенник перед Господом Александр Свирский чудотворец преставился в мире восьмидесяти пяти лет от роду 30 августа 1535 года от Рождества Христова.

Вскоре после погребения мощи преподобного стали источать исцеления. Монастырь Александра Свирского стал одной из самых почитаемых святынь Русского Севера. Благодать его воссылается ко всем окрестным иноязычным православным племенам и народам.

Архиепископ Макарий Новгородский, давний друг и сомолитвенник славного игумена, 16 марта 1542 года был избран в митрополиты Московские, 19 марта и посвящен. Внимание его и любовь к обители на Свири было отеческим, постоянным.

Через пять лет после своего посвящения митрополит Макарий созвал в Москве собор церковных иерархов. На нем постановлено по всей России праздновать память преподобного Александра Свирского. День его поминаения — день кончины, 30 августа.

Мощи преподобного Александра Свирского обретенны нетленными, когда трудники монастырские копали ров для строительства нового храма. Царем и великим князем всея Руси был тогда дед Петра Великого, первый государь династии Романовых Михаил Феодорович. Государь приехал поклониться мощам святителя и велел своим мастерам в Оружейной палате сделать для преподобного драгоценную раку, художно изукрашенную. И 5 декабря 1644 года святые мощи угодника Божия обрели покой и последнее пристанище.

Закончим же наше сказание о великом и славном светоче Севера теми

краткими словами, какими нередко кончали свой жизненный путь подвижники и отцы церкви, как и простые православные христиане:

— Слава Богу за все. Аминь.

БЕЛАЯ ЕПАНЧА

Сказание о преподобном Адриане Андрусовском чудотворце

I

На узких дранях, росчистях, нивках — там, в тихих зеленых поемках рек Тулемы, Видлицы и Обжи, аж до самой широкой, стремительной Свири, опасно ковырял землю сохой крестьянин, многожды битый, пуганый, зореный нещадно.

Не то беда, что неродима — песок да желтая глина! — здешняя земля. Согрел бы ее. Выныл всяк комочек, как дитя убайкал. Новину для поля и пожни палом огненным, тяжким трудом пожоги лесовой отвоевал бы у бора. Прокормился бы с чадами, как велит Бог, от своих рук.

И набеглых шведов, проклятых руочи, наскуило бояться. Обучились за тысячу-то лет отводить ратную беду топором, рогатиной, верным самопалом. Иная напасть. На своего, домашнего врага рожно не ковано, не изострено копейное жегло.

Весной рано подымешь пашню. Взоронишь ее и засеешь. Подымутся ржица и жито высоко. Да гляди, сжать-то не поспеешь. Полетят полями сокольники, кречатники, псари под свирепый, с подвывом, лай мохнатых меделянских псов, под соколий злой хохот, под хищный посвист дербничьих крыл. И захолонет сердце от ливистого конского ржания, от разудалых песен пьяной, буйной охоты.

Ведь там, в большом селе Кондуши, близ синей вольной Ладоги, — охотничьи ухояи, заячьи ловы, олени погибли. Ездит там и в долгий рог трубит дворянин Андрей Завалишин, ближний, сказывают, человек царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича III. Скачет страдомыи нивами и людей не видит — скрозь них глядит, как скрозь сито.

Любо ему с соколом на кожаной голице, поджав ноги в коротко, по-татарски подобранных стременах, срезать угол в угон зайцу ли, волку по мягкой, как пух, возделанной и потом мужицким политой земле. Любо взметнуть ископытью хмельно пахнущее поле. Змеем вьется среди колосьев ли, на стерне или бирюзово взошедшей озими конь его, горбоносый, золотой аргамак. Очами лютует. Дрожит бархатным храпом от проснувшейся степной памяти.

И под свист сокольных кнутов-шелепов, а случалось, и тяжелой, кровавой татарской камчи! — прытко скакали по кочкарнику ли, по пням ли колода пала или по пашне, по живому, втопанному во прах хлебу мужичонки-загонщики. Вопя и колотя в медную посуду — медельники, братинки да ендовки, в осиновые гулкие била, гнали загонщики зверя по сигналу угрозно гремящих седельных барабанов-тулумбасов.

И вставали из дебри дикой, из укомных логов и кулиг, шли на верный выстрел медведи, лисы, волки. Бежали рыси и росомахи. Перелетывали длинными гибкими телами кунички, белки и беленькие горностайки. Но всего чаще верещали от боли ран и смертного ужаса серые зайки. Текли они серенькими ручейками по полю навстречу стрелам, загодя уже выловленные конопляными крепкими петлями, выпущенные для жуткой потехи из пахучих лычанных мешков где-нибудь в кустышках насмерть перепуганным мужичонкой.

Но самое великое, сладкое утешение дворянскому сердцу — ловля ястребиная, бой зверей челигами, соколами! Да не одолеют кручины, печали, те-

лесные недуги охотника! Да не забудут и звонкокрылые, азартные птицы охоту премудрую и прекрасную, синюю высь и золотую даль, радость победы и запах свежей крови!

Сколь красносмотрителен, радостен и возвышен сокола поднебесный лёт! Что радости, что дудения в медные трубы, что и плескания в долони, ликования и беснования, когда псами затравят, порвут соколами, шелепами захлещут и догонят на бегу острой стрелой, конем стопчут очумелого, трижды перед тем уже и пойманного неудалого зайчишку ли, оленя с заплаканными прекрасными глазами, привычного к людям и у детей хлеб берущего из ладошек.

Сотни зверей лягут в серенькие, окровавленные груды. Растает, окровавев, льдистая пороша. Вновь, пламенея, застынет. И псы, горбя хребты, огрызаясь друг против друга, станут глотать холодные, хрусткие уже комья крови. Аж до первого снега и еще по пороше длится охотничья страда, любимая забава воинских людей царя и великого князя Московского, как, впрочем, и всех иных владетелей земных...

Но вот ставят в поле узорный шатер и разводят костры, свежуют трупы затравленных созданий Господних охотники, перекликаясь звонко и молодо. Разбегутся по избам ли, по лесным логовам мужики-загонщики и уцелевшие на сей раз звери, зализывая, врачуя тяжкие раны от плетей и копыт конских. Ото всех наособину присядет на ременчатый стулец дворянин Андрей Завалишин, молодой и статный.

На Андрее алый колпак, а курпей у колпака бараний, белый, с серебряным во лбу умбоном, в умбоне закреплены впрозелень черные сорочки перья. Бараний же кафтан короткий, выше колен и крыт красным сукном. Поверх кафтана — епанча из тонко выделанной лосиной кожи, длинная, до самых пят, как снег бела, и у ворота, у застежки шита черным крученым шелком тонкими узорами. И сапоги на Завалишине высокие, шитые из цветных лоскутов сафьяновых казанскими нарочитыми мастерами. В руке у дворянского сына — кубок немецкий из переливчатой морской раковины, вправленной в старое серебро. Дымится в нем густое, гретое венгерское вино.

Другой же рукой придерживал Андрей раскрытую на колене книгу Максима Исповедника, всегда возимую с собой в седельной суме — на рати, ловища, пиры и в посольства. На Руси эта книга звалась «Пчела», включала в себя речения древних философов и отцов церкви о добродетелях и пороках людских. Собрана она была за тысячу лет до описываемых событий в Цареграде, но, переведенная на русский язык, читалась и почиталась и в храмах, и в хоромаш, да и в черных избах еще долгие века, давая пищу уму и сердцу, укрепляя дух. И круто устремя над очами черные брови, читал Андрей учительные, строгие, увещательные советы: «Не будьте, чада мои духовные, детьми умом. В пороках станьте младенцами. По уму — мужами. Блажен муж, процветший премудростью, сохранивший ее и до смерти. Ибо лучше разум, чем золото и серебро».

Оглядел Завалишин ладожский суровый берег, истерзанные забавой поля. Услышал вопль, плач из ближней деревни — будто в изумлении, внове. И опять опустил смятенные очи свои на страницы премудростей, собранных, словно трудолюбивой пчелой, преславным Максимом Исповедником: «Мудрец царствует над всеми добродетелями. Только истинный мудрец — свободен и царь воистину, никому не подвластен, никому не виновен, кроме Господа. Никому — хотя бы и тысяча властителей называли себя господами его и наперебой возлагали бы на него свое ярмо!»

Опустил голову молодой воевода, ведающий по слову и велению государеву воинской заставой и таможенной избой на берегу Ладоги. Задумался о вечном, о спасении души. И дума та была грозная... Но едва опустил он бархатистые усы свои в кубок, грянули трубы, ударили тулумбасы хвалу его охотничьей

удаче и молодецкой удали: «Слава, слава, слава!»

И вино, будто теплая кровь стекая по длинным усам Завалишина, обогрило епанчу — снежно сияющую, шитую черным шелком.

II

Правительницей мира сего да пребудет, как ни искривляй ее и не искажай ложью, — правда. Владетелю ли, равному плотью своей всякому иному земному человеку, властью своей уподобляться Богу? Мерзость и суета помыслить это... Не возносись, чадо. О душе подумай — хоть в самую последнюю минуту, как разбойник, на кресте уверовавший в Господа. Только душа нетленна. Ни дурной, изгубивший душу, не лишится награды, вдруг милостью Божией прозрев и совершив доброе дело. Ни добрый не уйдет от скорой кары, став виновником явного, преднамеренного зла.

Но продолжим сказание, слышанное от отцов и дедов, о кондушском дворянине Андрее Завалишине, порубежном и таможенном голове на ладожском берегу. Через него переведывалась здесь Русь со свейским королем — торговлей, послами и гонцами верными. Но уже скоро переменится жребий Андреев на свете сем. Изменится и самое имя его. Помнят в деревнях и селах побережья, среди русских, чудинов и корелян: многожды видел Андрей над синими здешними лесами свечение, яко бы зорю не ко времени. И душа его рвалась и звала к тому зоревому свету. Тело же ленилось, противясь.

И вот однажды гнался Андрей-дворянин за быстрым оленем. В скорой, горячей скачке истерял он среди дерев, диких чащоб суземья всех своих псарей и доезжачих. Позади остались, выкликая и в роги трубя, друзья-охотники, потом изгасли и эти зовы. Диковинный олень был светел, как солнечный луч, и хорошо виден в чернолесье — лиственных лесах, покрывших бывшие поляны и нивы и уже облетевших о ту осеннюю пору.

Но гонимый зверь внезапно истаял в сутемени. И всадник натянул поводья, чтоб вернуться, поискать дороги обратно. Но конь, храпя, нес его все тем же уверенным наметом, пока не остановился в дремучей глуши, возле ветхой хижины, — неподалеку блистало зеркало вод озера. Наполовину, помнят, избушка была вырублена в диком камне скалы, а сенцы сложены из вековых рудовых сосен. Скрипнув, отворилась дверь, врубленная в косяки «на пята».*

И увидел Андрей Завалишин на пороге келейки старца, изнуренного постом, бдением долгих лет подвижничества. Ветхая одежда его была сплетена грубым плетением из жоловатых стеблей крапивы и конопли. Отшельник властно взял витязя за руку, ввел его в жилище, где в правом переднем углу в киотце над аналоем источала свет икона Живоначальной Троицы. И боярин онемел от несказанной красоты ее.

— В какой дом ни войдешь, и ты скажи: «Мир жилищу сему!» — кротко подсказал воеводе старец, напомнив завет Евангелия тихим, навывшим учительству голосом. И гордый государев наместник торопливо исполнил веление.

— Но пошто, за какие грехи обитаешь ты здесь, в пύстыне, словно житель могилы? — сдернув переный колпак и помолясь на образ, сказал Андрей. И отвечал ему старец тихо, сияя приветно синим светом очей:

— Всем смертным земля — могила. И каждый, кто попирает землю, — от земли, земля и земле же предается. Пошто же ты, сын человеческий, боле думаешь о теле тленном, нежели о душе, которая вечна и принадлежит Богу? Вечно страдание души, вечна и ее радость. Ее ли омрачишь и погубишь, дитя, угождением телу?

И молодой витязь сел на убогую лавицу перед старцем, иссохшим от многих

* «Пята» двери — выпуски, шарниры полотна двери, укрепляющиеся в верхнем и нижнем косяках дверного проема; древняя конструктивная особенность, позволяющая обойтись без железных петель.

лет, и поста, и трудов. С детских лет вразумленный книжному учению, любя земное, Андрей Завалишин был открыт сердцем и для бесед о вечном.

— Далекое, — сказал он, еще безмятежно улыбаясь, — не страшит человека. Всяк ведаёт измлада, что смертен. Но не волнуется, а всемерно радуется жизни, стремясь усладить глаза, уши, обоняние свое тем, что любо: лицемерием хором и храмов, лесов и полей. Сладкогласным пением церковным — и пением дев в хороводе. Запахом цветов полевых — и духом ествы, это тоже...

— Видно, что читывал ты, чадо, и Демосфена, и Аристотеля. Они были великими философами, но ведь и язычниками... Однако и у них есть верные мысли, и один из афоризмов, до нас дошедших: «Душу человеческую губит не жизнь, а порочные поступки...»

— Святой Василий Великий, иже во святых отец наш духовный, сказывал: «Злое не ведаёт, что является злом!» И цикута не виновна тем, что несет смерть и горька, что не родилась она мандрагорой.

— Менандр на то возразил бы: «Есть отличие у человека от несмысленных скотов и растений: душа». Не сделает злого дела никто из добрых. Но свет предваряется научением человека истинам веры...

— Оттого сказано в Новом Завете у апостолов: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Исполать тебе, учитель, истинный и верный наследник древних апостолов.

— Но как мертво тело без духа, так — помни это, чадо! — мертва без повседневных трудов, свершений вера православная.

Так беседовали они долго. Темная полночь пременилась ранним мгlistым рассветом. Преславный и сильный вотчинник Завалишин обрел в старце, истомленном подвижнической жизнью, учителя и руководителя на пути к Богу. И обнаружил он перед старцем тайны сердца, и пал перед ним ниц, прося благословения. И напутствовал воиownika святой преподобный Александр Свирский чудотворец. Ибо это он, свидетельствуют древние агиографы и сказители легенд о святых олонецких отцах наших и молитвенниках пред Господом, возвысил душу Андрея Завалишина.

И оба они, старец и воин цветущего возраста, провели многие, многие часы, радуясь согласию в познании розмысла душ, скорбя о несовершенстве знаний своих и стремясь умножить их. Ибо, как помнили они из книг Нового Завета, «кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего не знает так, как должно знать». «И посему тот, кто думает, что он стоит на ногах крепко, пусть побережется, как бы ему не упасть!»

Они горячо беседовали и подолгу молчали со скорбью, ежели видели, что разговор их становился суетным. И тут нам опять учителя вечные — древние. Они сказывают: однажды, когда на пиру юноша разболтался выше всякой меры, мня себя великим умником, не желая остановиться, философ премудро посетовал ему: «Юноша! Что же не научил тебя молчать воздержно тот, кто дал тебе уроки красноречия? Ведь и молчать — часть искусства оратора».

На заре оба встали на молитву — учитель и ученик, ибо такими они стали к исходу памятной ночи. Потом Андрей стал собираться в обратный путь. Прощально обнимая старца, преподобного Александра, он бережно накинул на плечи его белую, шитую черным шелком епанчу, чтобы согреть его, облаченного во вретище. Святой было воспротивился, но добрый, заботный ученик его рек старцу из Евангелия: «Господь повелел проповедующим Слово Божие жить от благовествования. Какой же воин служит и ратоборствует на своем содержании?»

Тогда инок благословил витязя на шествие в обратный путь.

И с тем на восходе дня Андрей взнуздal коня. Пообещав отныне навещать старца почаству, Завалишин уехал в Кондуши, вновь погружаясь в тревоги и заботы порубежных дел: надзирал заставы и блюл таможенное дело,

отмечая своею тамгой товары. Старец же, вставая на молитву по суровому монастырскому правилу, всякий раз воспоминал воина, воссылая за него молитвы к престолу Царя Небесного.

III

Андрей Завалишин с той встречи нередко наезжал в пустыню. Привычно входил в келью, вырубленную в прибрежной скале, в вересниках. Продолжал бесконечные беседы со старцем, то сладостные, то исполненные глубокой печали, исторгающие слезы, но еще чаще проводил часы в соединенной молитве ко Господу и в молчании, размышлении... Ведь и ясно изложенная в Священном Писании последовательность труда нашего спасения, спасения души нашей составляет глубокую тайну даже для ангелов, даже для апостолов, как о том не раз предупреждают отцы Церкви. И тем более для нас, простых смертных, тайна сия велика. Ведь никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой. Изрекали его Божии люди — пророки, руководимые Духом Святым, вложившим вечные глаголы во уста человеческие.

Познав радость пустынночества, сладость духовного размышления, Андрей, по истечении небольшого времени, вовсе оставил славу, могущество, службу порубежную и таможенную. Оставил меч, щит и коня. Облек себя в одежды нищеты, смирения. Навсегда оставил ристалища, охоты и ловища, избиения зверей лесных. Отпустил на милую свободу ловчих соколов и кречетов.

По слову и благословению учителя, отца духовного Александра Свирского он ушел в Валаамскую обитель. Там, на далеком острове окрай земли Русской, словно необозримый океан, синее море, плещет Ладога, древнее наше Невы. То кротко оно, то круто: дико взывает волна на мелководье.

Егда же на полунощие осенью восстанут северные ветры, желая расплеснуть, всколыбать, на дикое каменье ввергнуть чашу необозримых вод — велико, яро тогда противление приплеску тверди суровых черных скал, твердыней Валаама, где некогда воздвиг крест сам Андрей Первозванный, ученик и сподвижник Иисуса Христа.

Люто ярятся, беснуются здесь воды. Ходят высокие взводни, устремляются на мореходцев горами, полками ополченными. Рати волн белеют наверхиями гребней, колебля ими, будто ратные люди — перьями шоломов. С великим шумом, громом обращается в пену гневливая бездна, грозя пожрать оплошных. Скрежешут, мнятся в бурю, там, под матицей корабля, вопия единым гласом с воем волн, и раки в панцирях, и аспиды черные, и василиски, и сам таящийся в глуби несосветимой змей морской, вместилище диаволовой злобы.

И страшно, страшно тогда море-озеро.

Не только утлое суденышко — уже и самые утесы Валаама совсем было одолевают стихии воды и ветра — точно так же, как грехи наущением диаволовым отягчают и влекут к падению душу человеческую. Ибо, по Евангелию, «если говорим, что не имеем греха — обманываем себя и истины нет у нас». И еще молвили отцы Церкви тако: «Всякий, творящий грех, есть раб греха».

Но, братия, если от сердца исповедуем грехи наши и покаемся, то очистимся непременно. Ибо Он, будучи верен и праведен, простит нас с отеческой радостью, с любовью и надеждой омоет нас от всякой неправды.

И вот свершилось: былой воинник-порубежник, вотчинник Андрей Завалишин был пострижен в иноки и принял имя Адриана.

IV

Сподобясь великого ангельского чина, старец Адриан подвергал себя самым суровым искусам. Приняв послушание простого рыбака, он истязал себя трудом, бдением. Вскоре же, во всем подражая отцу духовному — преподобному Алек-

сандру Свирскому, Адриан удалился на восточный берег Ладоги. Он — помнят доселе и место показывают — поселился на берегу залива близ устья Олонки. И тот залив назван по местному выговору Ондрусовской губой, ибо Ондрусом звали Адриана местные кореляне на своем наречии.

Вскоре же, известно в легенде и житийным спискам, стеклись к той пустынке иные иноки — русские, чудины, корела и лопь, и всяк находил здесь приют, кров, а иные и святое крещение. И встала, и прославилась киновия, прослыла Ондрусовой. И в ней поставили две церкви — одна во имя Пресвятой Богородицы, славного ее во младенческие годы Введения во храм. Другая же освящена во имя святителя Николая Чудотворца Мирликийского.

На берегу Ладоги поставили там большой белый крест, видный мореходцам издалека. Да еще и колоколенку, на которой неумолчно звонили в колокола и в била чугунные били. Подавали весть и помощь плавающим, среди пучин тружающимся. И окрестные жители — русские и кореляне — и все бегущие на парусах и на веслах благословляли Адрианову обитель.

Но вот что рассказывали старые люди. Жил неподалеку от Ондрусовской обители, в глухих дебрях Салоострова, что на Ладоге, страшный разбойник необычайной силы и дерзости. Звали же его Ноготок. Сбил он ватагу лихих людей. Нападал на торговые суда, идущие по Ладоге. Не брезговал и малой добычей — отнять улов у рыбака, ограбить зверобоев. Ведь к нам на Ладогу всякий год набегало немало промысловых людей и даже с онежских берегов. В холодной, чистой воде древнего озера Нево в изобилии водилась всякая рыба. Драгоценные лососи и форель. Издавна добывают и в далекие города возят, сбывают палию, ряпушку, хариусов и остро, свежо — словно огурец! — пахнущую корюшку. Словно серебряные блюда сверкают в сетях и ярусах верш язи, лещи. Добывали здесь в ту пору и зверя морского — тюленя. Ладога — золотое дно.

Нашептал атаману дьявол — и велел Ноготок своим шишам-разбойникам боем взять монастырскую лодию, идущую на Валаам со странными людьми. Словно бесы, восстали они из тумана, окружив на узких челнах-ушкуях корабль. Застучали по огибням-бортам, вонзаясь, острые багры. Полезли на зень-палубу монастырского суденка нехристи, ограбили паломников, богомольцев, оставили нагих. Даже и парус содрали с мачтового древа.

Бывших на лодии монахов Адриановой обители привезли в вертеп свой и, разжегши на огне костра сухие банные веники, пылающими зельно голиками «парили» старцев, смеясь и говоря им угрозою: «Ныне вам в гостях у нас хорошо хонько, а назавтра мы к вам в киновию сами придем — и учиним лучше того!» И велели, чтоб иноки передали игумену наказ атаманов: уйти немедленно куда подале. И монахи приволоклись в обитель и с плачем сказали о том, что с ними случилось, и про веление атаманово. И многие, при сем бывшие, просили, чтобы Адриан отворил бы оружейный и пороховой погреба.

Адриан же, уздав о случившемся, не дал в сердце своем разгореться неистовству злобы. Хотя ведь и был воинником прежде, славным воеводой. Мог бы ополчить монахов, трудников противу шишей ладожских. Многие иноки, послушники в обители могли носить оружие. Пришли монахи к своему игумену и сказали: «Отче! В Ветхом Завете сам Господь Бог велел вести войну и выходить на битвы против враждебных!» И, развернув Библию, читали ему из книги Иисуса Навина: «Господь сказал Иисусу: не бойся и не ужасайся. Возьми с собой весь народ, способный к войне... Я предаю в руки твои противустоящего тебе, враждующего с тобой». И Иисус Христос тако же — не мир принес, но меч.

И кротко ответил Адриан мудрствующим и ослепленным желанием мести: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» — сказано у апостолов. Но разжиганием вражды мы только многожды умно-

жаем ее в мире. И лучшая победа — та, когда кто сам себя победит и остановит свою занесенную уже руку. Если же христианин побежден собою и впал во грех, а тем более во страшный грех пролития крови,— стыд, срам, погибель душе...»

Облачился Адриан в иноческую мантию, в клобук с воскрилиями. Взял пастырский посох. Путь его лежал в вертеп разбойников, на страшный Салоостров. И вот уже навстречу игумену вышел главарь шайки.

— Зачем ссориться понапрасну? — сказал инок.— Мы — люди, православные христиане и призваны возлюбить и ненавидящих нас.

Ноготок же учинился силен. Стоял он, поигрывая кистями внакидку надежного опашня, обьяря огненного цвета, с серебряными золочеными пуговками звончатыми. Сабелькой в зеленых бархатных ножнах покачивал.

— Враждующие без боя подобны, игумен, трусливым псам, которые гоняют убегающих и кусают, сопротивляющихся же стойко и нападающих — избегают. Я слышал, ты был воеводой. Выйди противу меня! В поле — две воли.

Атаман и игумен стояли близко друг противу друга. Плечо в плечо и взгляд во взгляд. Разбойник молча протянул монаху острый нож. Но инок тут же по рукоять вогнал его в ствол старой сухостойной сосны. И подивились шиши призерные мощи его боевой десницы.

Тогда Ноготок велел подать Адриану саадак со стрелами и луком и сам угрозно возложил переную стрелу на кибить арбалета, высоко в небо пустил ее. Инок тоже, не мешкая, послал каленое копийце, и вторая стрела догнала первую, расщепив ее надвое. Ахнули разбойники, увидев бескровно явленное искусство воина-монаха, хваля игумена и возвеличивая. Но Адриан отвечал:

— Истинный витязь не тот, кто времени и корысти служит. Но тот воин верный, кому служит само время, употребленное для спасения его души от скверны мира сего.

— Преподобный! — воззвали шиши.— Живи по-прежнему в своей обители. И не будет тебе никакой от нас обиды. Но и ты почти нас и пожалуй — плати дань...

— Станем усердно, денно и ночью молиться о спасении душ ваших, о вашем прозрении и пришествии ко Господу — по долгу христианскому и иноческому. Иной дани-выхода вам от нас не будет. Древле сказано у Соломона: «Терпеливый человек угашает спор, бесчестный же распаляет его все больше». И когда тебя кто искушает на брань, вередит тебе — не на него воззри, но на беса, что ввергся в него, движет несчастным. И гнев свой праведный излей на беса. Самого же человека прости Бога ради. Ибо по-нуждаем диаволом, не ведает, что творит.

С теми словами Адриан склонил голову в черном клобуке, сложил руки на груди и медленно удалился к берегу, взмошел на челн, и монахи-гребцы ударили веслами синюю влагу Ладоги, скоро удаляясь от Салоострова, а разбойники еще долго стояли на берегу лесистого отока, пытаясь вытянуть нож из плоти дерева.

Разбойники Ноготка, говорят, перестали с той поры злодеяния творить противу киновии, паломников и трудников монастырских. Но вскоре пришел с Ояти-реки и станом встал на высоком Сторожевском мысу иной тать — Рямзя. И о нем много рассказывают на полуденных берегах Ладоги. Стал тот Рямзя теснить Ноготка и сбивать с места прочь, сам желая промышлять в этих краях разбоем.

И вот однажды шайки встретились,— было это, помнят, в Ондрусовой губе. Лодьи сцепились баграми многими. И соступились в ристании противу друг дружки шиши оятские, новоприходцы, и салоостровские насельники. И, побежав, почали в воду метаться разбойники ноготковой шайки. Сам же грозный доселе атаман был схвачен Рямзей, кинут на лодейное одонье накрепко связанным.

Пала темная ночь. Утром, знал Ноготок, ждет его страшная казнь. И потому замерло его сердце, когда он увидел занимающийся над берегом свет. Но то не был свет утренней зари. В божественном сиянии приблизился к нему игумен Андрусовской обители Адриан и молча сильной рукой освободил его от крепких уз. Затем ночь снова сомкнула вокруг лодьи узилище тьмы. И запомнил разбойник напоследок сказанное строго, внятно:

— Милосердием Господа, ради которого просил у тебя пощады нашему братству, ты свободен.

Атаман, не помня себя от радости, бежал от страшного берега, где покачивался у костра, дремля, дозорный враждебной шайки. Очутился Ноготок в глубине бора и пал в белый, хрусткий мох, горячо возблагодарив Бога за милость, а игумена — за спасение. Уже запели утренние птицы, когда разбойник решился немедленно пойти в обитель и припасть к ногам святого инок. Придя, услышал доносящееся из церкви Святителя Николы стройное псалмопение. Растворив ворота на пятах, вошел разбойник в храм — и увидел обращенный к нему спокойный взор настоятеля и строителя обители. Он, как оказалось, всю ночь провел на молитве, в бдении вместе с братией, не отлучаясь из храма.

— То сила Божия чудесно воспомоществовала тебе и спасла!

— Недостоин я, окаянный, милости тоя! — возопил, ударив себя в перси, обливаясь слезами, Ноготок, муж страшный и жестоковыйный. И тут же почувствовал, как просветлела, помолодела его душа, стала опять такой, какой бывала в раннем детстве...

— Как это случилось? — только и сказал раскаявшийся разбойник.

— Сделалось это по горячим молитвам работающих Господу. Прими милосердие Божье со страхом, трепетом. И за все, за все благодари.

И более того умилился Ноготок. Пал на колени, прося преподобного Адриана научить, наставить его служению Царю Небесному. И был он оставлен в обители, и трудился для нее, впоследствии окончив мирно в киновии дни свои, очистив себя покаянием. Многие из шишей салоостровских пришли в обитель и послушание приняли вослед своему атаману. Рямзя же, оятский душегубец, прослышав о происшедшем, ужаснулся и скрылся безвестно в суземье, нехоженных тогда лесах.

Один же из ближних сподвижников неистового Рямзи, раскаявшись, построил на месте вертепа разбойников на Сторожевском мысу келейку и принял подвиг пустынничества, постригшись во иноческий чин под именем Киприяна. В забвение же прошлых грехов стал пользоваться он у прибрежных жителей, корелян, великим почитанием как добротный инок и наилучший сетевязец. Делал во множестве он верши, морды, невода и ставные сети, иную рыбацкую снасть, какая пригоже, славясь бесребреничеством: видению денег самых мелких ужасался, как явлению антихристову.

Могила преподобного Киприяна Сторожевского чудотворца поныне славится чудесными знамениями. И многие приходят сюда, на Сторожевский мыс на Ладого, прося святого предстать пред Господом, молить Бога за нас, грешных.

Так пришли в эти места, благодаря Царю Небесному, мир и тишина, в людях благоволение.

V

И ныне, как прежде, тем славен воин, что муки вместо радостей принимает. Ранами многими покрывается, изъязвлен железом. Увенчан благочестием, не уклоняется от стрел летящих. Укоры судящих его принимает, как дым сладкий курений. Зверообразным, угрозным ополчениям врагов своих лютых — смеется, попирая страх. И по шипам весело ступая, язвами обложен, пламенем опален — радостен бывает, словно возвышен великой честью. В муках тяжчайших

радуется, как если бы принял высокие почести. Пренебрегает и сверканием мечей, ему всечасно грозящих.

Таков же, как праведный ратоборец, и воинник духа, святой инок.

Руки мучающих его и терзающих мнятся ему мягче воска размягченного. Древо, орудием кончины его ставшее, стать угрозную — целует с умилением. В темнице затворенный, любителю с отрадой только ему явленным зеленым знаком процветающим. Изобретенными для него мучениями услаждается, словно цветением кринов благоуханных.

Вот каким примером, братие, воодушевлялись от веку отцы наши, иже во святых сущие. И возвышали дух свой. И душу спасали даже истеряя тело брренное — для жизни вечной, во Господе, святые подвижники земли Русской, имея примеры высокие, вечные... И церковь воспевае их подвиг высокими словами акафиста:

Земный Ангел и небесный человек был еси,
Образ Божий в душе сохранив невредимо...

Слух о богоугодной жизни отшельников Андрусовой пустыни дошел до самого царя и великого князя Василия III, царствовавшего со славой с 1505 по 1534 год. И он дал ладожским монахам грамотою особой милостыню из своей казны. Наместникам же было воспрещено брать пошлыны с монастырских ловцов на звериных ловищах, а также плату за озерные рыбные тони.

Да и царь Иван Грозный подтвердил грамоту родителя своего. И пожаловал игумену с братией на Ладоге и новые угоды многие. И отпустил андрусским инокам в 1546 году щедрую милостыню. Это последнее пожертвование и вызвало нужду настоятелю срочно выехать в белокаменную. Преподобный Адриан Андрусовский чудотворец подпоясался в дорогу и взял посох...

На ту пору, помнят, столица жила в ожидании разрешения от бремени добродетельной царицы Анастасии Романовой. Рассказывают: чтобы упрочить долгоденствие и здравие ожидаемого младенца, бояре советовали государю по древнему суеверию:

— Царю! Возьми-ко, пожалуй, в восприемники дитяти своему, какого даст тебе Господь Бог, первого попавшегося на пути-дороге путника, пусть самого что ни на есть рипсоватого оборванца...

— Но только не возьми инока ли, попа! Не накликай на род свой и судьбу царского престола горя-злосчастия.

Чтобы наверняка избежать «несчастливой» встречи с монахом ли, со священником, и отдан был указ, чтобы ни один черноризец, никто из клириков под страхом смертной казни не смели бы показаться в Кремле и близ него, пока не будет совершено святое крещение царственного младенца. Этот предрассудок утвердился среди православных христиан на Руси не иначе как бесовским, сатанинским происком. Ведь нелепость его очевидна.

Самая способность младенцев к восприятию в себя силы Божией ясно обнаружилась и при благословении Господом детей при входе Господнем в Иерусалим. Сказал тогда Иисус: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо им принадлежит Царствие Небесное». Но кто же, чада возлюбленные, ближе к самому Господу, как не наследники святых апостолов Божиих — православные иереи! Апостолы же и совершали крещение над детьми. И о том верно, ясно сказано в «Деяниях апостолов»: «Петр же сказал: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов. И получите дар Святого Духа»...

Была темная ночь на 6 августа 1549 года, когда благовестом взгремели звонницы кремлевские и озарились огнями окна теремов. Иван Васильевич Гроз-

ный, государь всея Руси, обрадованный благополучным разрешением от бремени своей молодой жены и рождением дочери, велел привести с улицы первого встречного, кто бы он ни был. Пустившаяся для исполнения приказа стража с ужасом увидела, что остановленный дозором в переулке прохожий — иеромонах с дорожной сумой и рябиновым посохом. Он был схвачен и немедленно представлен пред очи Грозного царя. Осударь тотчас узнал в усталом седовласом монахе бывшего царедворца, знакомого им еще по детским играм в великокняжеском тереме.

Долго, долго длилось угрозное молчание царя и великого князя. Долго боролся он с искушением предать ослушника страшной казни. Но тих и светел был взгляд инока, так и не поникший пред лицом самодержца, и Грозный заговорил с той кротостью, что всякую минуту могла обернуться внезапным, как вспышка пороха на полке наведенной уже граненой пищали, гневом.

— Ослушанием ты удалился от двора и от воинской порубежной службы, — молвил Грозный. — Ослушанием же и предстал предо мной. Уже три дня кряду кричат бирючи по Москве, чтобы ни один черноризец не являлся на кремлевских улицах...

— Великий государь! — отвечал с твердостью монах. — Еще вчера я был за сто с лишним поприщ — мне предстояло сто дней пути до твоей белокаменной столицы. Не мог я слышать твоего повеления. Сам недоумеваю, как, каким поизволением Божиим очутился я в сей час здесь, едва выйдя из киновии.

Царь махнул едва видимо рукой — тотчас со двора умчались, звеня оружием, всадники, дети боярские, чтобы немедленно проверить сказанные иноком слова. И братия Александро-Свирского монастыря подтвердила во единый глас, что еще в канун Второго Спаса, в осенины, на Преображение молился Адриан во храме Живоначальной Троицы. И Господь свершил чудо, перенеся его в Москву, пред лицо государево, во единый день.

И тогда Грозный сделал старца отдаленного приладожского монастыря восприемником своей дочери. И нарекли царевну Анной. Щедро награжденный государем, обласканный двором, отправился старец Адриан в обратный путь. Шествуя на Север пешком, неустанно молился он Господу, творя щедро и принимая благодарно милостыню, исцеляя премудрым словом и Божией помощью.

VI

В конце августа бывают в нашем краю зельные, страшные ветры. Тем славятся Миронов и Михеев дни, перекликающиеся бурями со скорым, кратким бабьим летечком, временем затишья перед грядущей осенью. И тут глядят, как птицы полетят да какова ходит на реках-озерах волна, по тому судят о приближающейся поре холодов — близка ли... Полоски ржицы, ячменя, овса уже сжаты, только мелькают там и тут завязанные узелком несколько колосьев, одиноко стоящие на стерне, — «Миколу на бородку, чтоб на будущий год не оставил святой без хлебушка»... Истинно сказано в Евангелии: «Восстали лжехристы и лжепророки, дали знамения и чудеса, чтобы прельстить и избранных. Но по плодам речей их узнаете. Приходят они в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». И сырояды, и язычники! — прибавил преподобный от себя, но глядел на умиротворенную, остывающую после жаркого страдного лета землю без злобы.

...Прежде проскакавшие здесь дети боярские далеко разнесли весть о чудесном явлении Адриана Андрусовского при дворе Ивана Грозного. Известно стало и о милостях, какие ожидали его, о чести преподобному, о дарах дальнему залесному монастырю. В иных обителях, в церковных приходах встречали тихого старца, бредущего в свою обитель, колокольным звоном, светлой ра-

достью. В иных — почтительно, с заботой о душе своей просили пастырского благословения. В третьих — поклоняясь земно, глядели вослед сподлобья, с нестойкой человека завистью.

Неподалеку же от Андрусовского монастыря, в деревне Обжа, обитали на ту пору страшные разбойники, таковые же грешные, как преждебывшие Ноготок и Рямзя, но нераскаянные. Они промышляли на дорогах и убивали постояльцев, просящих приюта: уведают о достоянии их, настигнут в пути... Вернется домой разбойник, сядет за стол утром рано. Жена, неся ему горшок каши, спросит, бывало: «Ну, што?» — «А — три деньги новгородских все-на-все! Это как меленку ржи намолоть... не стоило и ходить!»

Научаемые дьяволом, восхотели они и умыслили овладеть царскими дарами, несчетной, как мыслилось им, золотой казной, какую несет с собой инок. И вот ночью в дремучем лесу, едва вышел старец на светлую, осиянную луной поляну в тридцати верстах от Обжи, напали на святого мужа нечестивые, побуждаемые бесами грабители и пролили его чистую кровь. Царского дара не нес с собой нестяжательный старец, сторонящийся губительной силы золота. Лишь бедная сума с корочкой хлеба досталась в добычу убийцам. Бог помрачил их рассудок. И они, чая в ближних сообщниках своих похитителей сокровищ, посекали топорами друг друга, отправясь прямехонько в ад.

Грядет время! На Страшном суде решится участь наша. Всех — живых и мертвых. На всю бесконечную вечность. И тогда, братие, пшеница отделится от плевел, овцы от козлищ. Между теми и другими утвердится непроходимая пропасть. И никто не изменит вечного решения того Судии.

Сказано в Писании: «Так будет при кончине веков, изыдут Ангелы, отделят злых от среды праведных, ввергнут их в пещь огненную. И будет там плач, скрежет зубовный», — речет апостол Матфей Евангелист.

VII

Прошло еще два года.

Монахи Андрусовской обители провели их в неустанных молитвах о своем настоятеле, исчезнувшем безвестно. И вот несколькими из старцев Адриан явился в видении таким, каким был он в последние годы своей жизни: в старой, крашенной ольховой корой ряске, в кукеле на голове и кожаном поясе на чреслах. С изорванной, ветхой сумой на плечах. Он скорбно поведал братии о своей страдальческой кончине и указал место, где злодеи скрыли святые его мощи.

— Похороните, ради Бога, кости мои в обители! — попросил иноков строитель киновии.

— Как же найдем тебя там, в глухом лесу, окрай малой черемуховой поляны, отче? Мало ли черемуховых пожен в нашем краю!

Тогда назнаменовал старец в видении братии крест — знак очищения страданием и рек явственно, хотя и тихо:

— Ради Господа нашего, Иисуса Христа. Пойдите в Обжу, село вам известное. И есть там иные многие деревни: Васильевский Бор, Сосновый Лес, Табановский Маяк, Инема и Онькулица — малый выселок. И увидите крестьянина, пашущего на белой лошади. Выпрягите ее. Пустите на волю.

— Так, отче святой.

— И пойдите за нею. Куда лошадь пойдет, конь поскачет. И где остановится, там обретете мои кости бесприютные.

Вот и пошли иноки промеж ольх да в ельники, выставляли в горы и спускались в доли. Увидели они близ Мегреги пахаря, взрывающего целизну — яровое поле. Умолили его отпустить с ними коня, пошли ему вослед. И привел их конишка. Стопнул копытом, заржал тонко, горестно. Обрели иноки Андрусовской обители мощи своего настоятеля. В болоте. Под грудой нарванного, как бы лапой страшного зверя набросанного мха.

Тело же страстотерпца сохранил Господь нетленным. И вот что дивно — доселе сказывают в деревне Обже! — поверх него лежала белая, легкая, лосиной кожи епанча, шитая крученым черным шелком у ворота нездешними узорами. Ее ведь, известно, отдал некогда воевода Андрей Завалишин, согрев старые кости старца Александра Свирского. И по ней сразу признали преподобного Адриана Андрусовского чудотворца. Ибо всякий дар возвращается сторицей.

Погребено было тело святого возле северной стены церкви святителя Николая Мирликийского, в обители, основанной и выстроенной во славу Божию Адрианом. Соорудили над телом страстотерпца часовенку, преобразованную впоследствии в церковь, а потом, уже в 1827 году, — в соборный храм Введения Пресвятой Богородицы.

VIII

«Дух святой дышит, где хочет. И глас его слышишь внятно, и не знаешь, откуда он приходит, куда уходит», — сказано в Писании, речено Иоанном Евангелистом.

В Смутное время Андрусовский монастырь испытал великую, неизбывную в веках лютость врагов Руси православной. Не раз он видел под своими стенами и поляков, и литовцев, и русских воровских казаков, и чубатых черкасов. Привычно, торной тропой набегали сюда и шайки вечно голодных псов — слуг шведского короля.

После всех нестроений, разорений, невзгод Андрусовская пустынька не смогла существовать самостоятельно по малобратству и была приписана к Сяндебской киновии, основанной собратом и соучеником Адриана Андрусовского — преподобным Афанасием Сяндебским чудотворцем. Вместе с сяндебскими иноками андрусовские пустыnnики состояли под покровительством, руководством Александрo-Свирского монастыря.

Вновь и вновь прикрывал заботно своей белой епанчой Александр Свирский возлюбленных братьев, учеников, последователей на пути спасения бессмертной души.

Опять и опять творились видения преподобного Адриана чудотворца Андрусовского на великих, многошумных водах Ладоги. Подавал старец ободрение, помощь плавающим, странствующим, страждущим.

Века проходят. И все случается так, как древле было сказано в писаниях Отцов Церкви Христовой.

И гробы отверзаются, и многие тела усопших святых воскресают. Память праведников да пребудет благословенно, имя же нечестивых погибнет.

Аминь.

«В ЕЛОВОЙ КЕЛЬЕ ВЕКОВАЛ...»

Сказание о преподобном Ионе Яшезерском чудотворце, поведенное Георгием Федоровичем Зайцевым в деревне Горнее Шелтозеро

I

Давным-давно, четыреста лет тому назад, родился на вепсской земле в славном селе Шокша Илия. Возрастал он с доброй славой у добрых и богатых родителей. Смолоду дивен он был людям телесной своей силой. Чуть взмахнет веслами — под днищем взлетевшей над волной лодки проблеснет красное солнце. Один выходил Илия в Онего — сети выметывать, похажать ли, вздымая из пучин богатый улов. А на берегу уже ждали его немощные и вдовы, всех наделял он, нищелюбивый отрок, подаванием от души во имя Христово.

А полесовничать не мог. Ведь сызмалу открылась ему речь зверей, понимал он стоны падающих деревьев, жалобный крик умирающих птиц. И о том есть старинный рассказ у вепсов. Будто отроком малым, в начале своих лет, пошел с отцом в урман — и собака облаяла встречную березку, будто красную лисицу. Порадовался отец чудесному знаку, большой удаче. Ударил острым топором, сказав верное заклятье, по белому стану дерева. Заплакала береза, встрепенулась, живое дерево. И брызнула из плоти ее алая кровь. И отец, посмеиваясь, вытесал из нее волшебные летучие лыжи, гусли певучие, верный лук, выстрогал легкие, неотвратимые стрелы.

А не веселили мальчика ни стройные звуки струн кантеле-гусель, ни подшитые мехом росوماхи быстрые березовые лыжи, ни верный лук. Ведь пала ему на раскрытую ладонь алая капелька крови волшебной березы. И открылись Илии голоса леса.

Говорят, у карелов в Тикше еще недавно, в наши времена, был таков человек с чутким сердцем, совестливой душой. Стал работать шофером на лесовозе — и незамог. Всякий раз, как ехал на делянку, въяве слышал он плач тайги. Будто женщины на погребении кричали золотые сосны, качаясь в горе, с ужасом взирая на машины с грохочущими прицепами, словно на катафалки. Ушел этот человек в слесаря при гараже, а потом и вовсе уехал, из леспромхоза уволился. Бывает с людьми чудесное. Вдруг и сразу открывается им истина, и слышат они суровое веление природы. Это идет, дитя, от Бога.

...Вот и говорит Илия отцу своему. «Не могу, — рассказывает, — крестьянствовать. Да и торговать, стяжая себе богатство от многих бедных, не по душе мне. Избавь меня от лесного огневого пала и от сурового дела жатвы. Стонет от людской корысти земля, причитают колосья. Плачет у дверей лавки сирота, которому недодали грошик упитанные приказчики. Не мне в миру жить, батюшка родимый. Отпустите меня, отец и мать, в монастырь, к валаамским чудотворцам».

Осердился отец, Встал на свои чудесные лыжи. Улетел за дальний Синий лес — туда, дальше Матвеевой Сельги! — думу думать. По обычаю дедов-прадедов поклонился в уреме самой рослой, раскидистой ели: «Пусти на постой, хозяйшюк!» Наладил близ дерева костер-нодью. И сел думать — как быть с сыном, запереть ли его или уж пустить на дальний святой остров. У костра ничего не надумал — под елкой свернулся. Тепло ему и сухо. Сверху крыша ветвей. Под бок нагреб из костра пеплу. А сон нейдет... Слышит за полночь — зашумели в лесу дерева, одно от другого передавая весть: «Иди, ель! Матушка твоя умирает...» «Не могу, — отвечает дерево, под которым отец Илии прикорнул. — Не зовите. Надо долг исполнить: мне человек честно поклонился, его покой стерегу». И тут вздрогнул лес: пала навзничь за ручьем высокая ветхая ель, ветки, словно руки, раскинула...

Сон ли это, наяву ли бывание, а только и повсюду в Карелии — у поморов на Студеном море, у русских на берегах Онего, у карелов и вепсов в залесье — всюду помнят: ходят по лесу, медленно переступывают и скоро перелетывают деревья! Но так, чтобы людей не задеть, не напугать, не забидеть. У них это строго. Да ведь и конь никогда на человека не наступит, ни в тяжкой борозде, ни в вольной скачке. «Ладно! — старик думает. — Это видение мне — наука и скорый совет лесовой. Ель свой закон исполнила, долг перед гостем, хоть и было ей тяжело. Исполню и я свой родительский долг — пусть идет детище, куда его сердце зовет. Голоса леса худу мое дитя не научат». Утром рано встал, поклонился ели низко. Встал на лыжи, копийцем оттолкнулся — полетел к себе на онежский приплеск. Сына своего благословил в путь-дорогу.

— Только остерегись! — говорит. — Гляди, не повздорь с лешей лопью, некрещеной. Они, лопины, куда как суровы — вобьют стальной рожон в пол —

не вытянуть копейного жегла и троим. Да не попадись в лапы руочи, королевских убийц, вечно алчущих шведских волков. Не плыви также Свирию — от веку шалая это река. Много на ней лихих людей, татей, шишей. Иди, сынок, святой лесовой дорогой встречу солнцу туда, на светлую Ладугу, на Валаам.

— Будь по-твоему, отец.

— Наперво станешь, сын, ночевать в Таржеполе селе. И помолись там Тихвинской Божией Матери да Илье пророку. В Таржеполе наши родичи вепсы живут, и тут станешь постоем. А проедешь иные шестьдесят верст — и будешь у корелян на Важеозере, поклонись Важеозерским великим чудотворцам, примешь поучение и святое благословение от старцев. На третью же ночь увидишь, сынок, у Видлицы синюю Ладугу, изопьешь сладкой ладожской водицы. И да поможет тебе в лодейном пути, даст доброй повери святой угодник Никола, Мир Ликийских святитель. Дам надежных провожатых, коней. А теперь поди поклонись своему отцу духовному.

Пошел Илия во храм. Попросил благословения у священника. И тот сказал ему от Писания:

— Тело человеческое тленно. Душа же обновляется по вся дни. Хочешь познать Господа, от Бога рожденного, — и ты, отрок, познай суровую красоту и мощь креста. Крест — священное древо и знамя, процветшее прежде всех времен, еще в Ветхом Завете, во дни древних пророков, обещавших нам пришествие Христа.

Светел ликом, седат главой, в златых ризах стоял перед юношей отец его духовный и пастырь, сияя, словно столп огненный, речью же лиясь, как река прохладная. Прославлен был апостольским служением на краю земли, среди диких племен Севера, но имени его не осталось в людской памяти — но ты, Господи, его ведаешь. И вострепетал Илия, глядя в очи священника, некогда крестившего его водным крещением, и взмолился:

— Святый отче! Немошен мой язык. Прост, скуден, привержен обыденности. Что я видел в этой жизни? И вот — иду жить среди иноплемennых. Как научиться мне премудрости?

— Иисус Христос сказал, что нет для него ни эллинов, ни иудеев, но все равны. Нет ни мертвых, ни живых — но все для него живы. Коню ржание, псу лай, волу — рев. Всякой твари дан голос, то ее признак — писали древние отцы церкви. Но только человеку дано разумное слово. Оно его сила, оружие, оплот и отрада. Оно вмещает и душу его, а изначально было у Бога и само было Богом, несло мир, и доброту рассевало меж людьми, и служило согласию, единству гласов многих. И служа Богу — мы служим и Слову, изначальной доброте. Постигай речь иноплемennых — и они почтут тебя, узнавая слова твоей материнской речи, красу их и смысл.

— Так, отче святой.

— Боголюбивое живое существо из всех прочих отмечено добротой и речью. И позор тем, кто для избавления от болезней души и тела, отвергая силу речений, принимает лишь дорогие лекарства, лечебные травы. Чтобы утвердиться в разуме своем, окрепнуть духом, паки и паки повтори слово Ефрема Сирина, отца нашего, о Святом Животворящем кресте, данное людям различных языков и обличий, за тысячу лет до нас сущих.

Крест — воскресение мертвых.

Крест — упование христиан.

Крест — жезл хромым.

Крест — утешение бедных.

Крест — узда для богатых.

Крест — памятник победы.

Крест — пестун юных.

Крест — кормило моряков.

II

До Ладоги, святого острова Валаама, доехать на ту пору Илии не довелось. Вот прискакали они — юноша и двое дюжих приказчиков из отцовых лавки — в Таржеполь. Умылись ввечеру водушкой из святого следочка Богородична. Он там, в сером камени, соблюдался с давних времен, когда ходила Богородица по нашим палестинкам... О том много сказывают, о том вспомним в свой час.

И чего пришло на ум Илии — вступил он во следок своею ступней, отрок. И пришелся он ему аккурат впору. Уложили спать таржеполы Илию в горницу, и приснилось то ему или наяву было? Вошла Матерь Божия в алом омофоре и руку юноше на лоб положила — засиял вокруг ее лика золотой свет радости. «Ты,— молвила,— нашего роду. Иди за мной и ничего не бойся».

Восстал Илия утром рано. Видением смущен и радостен небесной совершенной радостью. Оседлал коня и выехал за ворота задумчив. На ту пору цвела весна, кипела черемухой белопенной. И далеко было видно там, по дороге: впереди будто, знаешь, елочка вприпрыжку бежит-скачет. Приказчики отцовы едут, ведут промеж собой торговые заботные разговоры. Им эконо диво не видно, а Илия зрит въяве. Он вскачь — и елка летит, ветками взмахивает. Он придержит коня — и елочка приостановится, прихорашивается. Такая шустрая — будто девчоночка в зеленом сарафанишке. Локотками, знаешь, помавает.

Всадников-проводящих, отцовых молодцов, не видать. Приотстали во бору, за поворотом. Оглянулся Илия — сзади такова же елочка скачет. Да в черемушку-то и спряталась-скрылась, махонька. Глядит оттуда — верхушка подрагивает, будто она в зеленую ладошку прыскает. Поначалу затейно показалось Илии, а потом и торопко, знаешь. Утянулся паренек под старую-престарую ель. И она его встретила приветным шумом, густой сенью, сухим, теплым ложем, как давеча отца его. И опять услышал Илия голос матушки Богородицы, Тихвинской Чудотворной:

— Ты, чадо, во мой след вступил во мой день, двадцать шестого июня. Ты — нашего роду. Живи близ меня, здесь, в родных местах, в Яшезере. Боле никуда не ходи век — только сходи, поклонись сроднику моему, преподобному Александру Свирскому, прими от него постриг святой. А наречешься ты Ионой Яшезерским, прославишься святой жизнью.

И поклонился юноша Пресвятой Богородице, Царице Небесной земно, она же, медленно истаивая, исчезла из глаз, но осталась в сердце. Всю ночь читал юноша молитвы Господу. Псалмы пел, вновь и вновь повторял слова древнего святого Ефрема Сирина, изглашенные им на Воздвижение Честного Животворящего креста Господня. И мы вспомним вторую седмицу похвального слова:

Крест — пристань обуреваемых, стена града.
Крест — отец сиротам, советник правдивых.
Крест — утешение во скорби, хранитель младенцев.
Крест — слава мужей, венец старцев.
Крест — свет сидящим во мраке, проповедь пророков.
Крест — велеление царей, любомудрие для варваров.
Крест — свобода рабов, мудрость невежд.

III

Так процвел там, на Яшезере нашем, в диком лесовом суземье, подвиг инока Ионы, которого прозвали святым преподобным угодником Божиим. Он остался свой век вековать под той старой елью, где явилась ему Богома-

терь. Спал на корнях узлистых, питался еловым семенем. Собирал летом красным на опушках солнечных, на зеленых полянах сочные стебли сныти, медвяной, цветущей белыми зонтиками. На зиму заготавливал ее листья. В сырых ельниках бережной рукой срывал хрупкие трилистники кислицы. Варил травяные щи, делал квас. Угощал усталых путников, окликая их тихим голосом из-под сени леса. Девы приносили ему свои рукоделия — тканые и вышитые, преизящное узорочье кружев. И он освящал эту красоту молитвой, оживлял краски узоров соком лесных трав.

Он, праведный Иона Яшезерский, детей лечил от куриной слепоты синими васильками, стариков пользовал золотым девясилом. Бог надоумил его творить целебные отвары. Знал, говорят, святой Иона Яшезерский сорок сороков многообразных трав, различал их голоса в шуме вечного леса. Уведал он тайную силу растений. Ветви старой ели унизаны были пучками сушеных трав, цветов, корней. А в коре ели глубоко и бережно был вырезан святой восьмиконечный крест — как раз над ложем святого инок, с орудиями страстей Господних — тростью и копием.

Вот идет он весной по лесу. Слышит смех, детский щебет новорожденных трав. Обнимет березоньку приветно. Острым клинком сделает легкий надрез спиральный, не повредив луба. Помогая себе пахучей черемуховой вицей, снимет инок с тихим, утешительным словом дереву, вздрагивающему под сталью, тонкий, длинный берестяной ремешок. И низко поклонится березе, ибо Бог велел за все благодарить, и не только людям... Скатает бересту в клубок. Вытомит, высушит на воронце своей дивной келейки — на еловом суку. На всю зиму ему — нескончаемое келейное рукоделие. Сидит, работает кочетком — плетет кошель и лапти, корзины берестяные и поет славу Богородице, и веют из-под куши древесной древние, вековечные слова:

— И еще, и паки воззовем, братия, ко Царице Небесной, принесшей свет истинный в наше суземье, к жизни и славе призвавшей Северную Фиваиду, обители монашествующих соградившей, киновии иноков, труждающихся своего ради спасения и во славу Христа, Бога нашего...

Делал, конечно, он и лапти-верзни. Правда, в наших местах, округ Онего-озера, что в вепских, что и в русских селениях, в лапотках-то ходили разве что пришлые пастухи-ваганы. Те и шапку берестяную взденут, а на праздник Егория Вешнего и кнут у них сотворен берестяной. Иные пастухи и рожка, трубы берестяной сделать не малтают... не умеют. Так они придут, Ионе Яшезерскому поклонятся. Святой и берестяные сапоги высокие, прочные, легкие сплетет. Их на репище-кетовину, на пожогу надевали.

Преподобный перед работой не гордился: всякий час в лесу, на огородец своим, ночи напролет — стоял монастырское правило, творил келейную молитву Господу. А в редкую минуту досуга делал погремушки для малых детей, в колыбелях сущих, а то — мячи берестяные же для робят. Это ведь потом, потом пошли мячи каучуковые да резиновые. Еще на нашей памяти делали их из бересты. Иона Яшезерский своих рук дело даром раздавал. Бессребреник был. Люди с охотой приносили ему хлебushка ли, молока туяс. Это возьмет. И перед трапезой, после молитвы Крест восславит, и ты за ним повтори премудрость древних книг:

Крест — целомудрие дев, радость иереев.

Крест — основание церкви, утверждение вселенной.

Крест — разорение идольских храмов,

соблазн для язычников.

Крест — сила немощных, врачеватель недужных,

похвала мучеников.

Крест — очищение прокаженных,

восстановление сил расслабленных.

Крест — хлеб алчущих, источник жаждущих.

Крест — благонадежность монахов,

покров недугующих.

IV

Но особенно умудрил Господь святого преподобного Иону Яшезерского, предстателя нашего и молитвенника перед Царем Небесным, творить людям радость — нарядную крестьянскую посуду, резную деревянную игрушку. Вырезал Иона коней с гривами и хвостами изузоренными из осины белой. Красил бавушки, забавушки детские алым цветом и желтым. Варил краску из коры рябины, осины, черемухи. Петушков, утиц понаделает. Но боле всего любил вырезать — острым топором вытюкивать, вытесывать! — сосновых мужиков, баб дородных. Это, скажет, бывало, вам, миряне, в поминание преждебывших ваших дедов, бабушек! И велит этих кукол резных поставить-прибить на оконный наличник, над околениками. Да глянь-поди на старых-то домах у вепсов! Они и поныне сохранились. Стерегут хороминки от нечистой силы изваянные из сосновой плоти — прадедов давние прадедушки. Иона измыслил.

Потом пришли, прослышав про святое житие Ионы, к нам на Яшезеро иные монахи. И стал Иона в монастыре большаком, игуменом. А жил по-старому, как простой чернец. «Вы,— братии скажет и накажет строго,— от мирян ничего не берите. Крестьяне и так бедны. И что имеете — тем с людьми убогими да немощными с любовью поделитесь». На всю умножавшуюся братию тачал Иона своими руками сапоги, пояса кожаные крепкие. Ковши, братинки, ендовки, скобкари вырезал. Особенно любил, сердешный, из звонких кленовых поленцев-баклуш ложки для братии делать, дарить своеручно. Напоследях и простое суденышко-корец, в котором посуду ли моют у ручья или вот — воду из лодки вычерпать надо, и эту посудину немудреную выдолбит из безрезового капа, нароста твердого, облого. Ему и самая простая работа — в радость. «Трудясь угоджаем Богу! — говорил, ликуя.— В деле тело страждет, а душа возвышается. В этот час мы к Господу ближе, когда труждаемся».

И монастырская братия во всем святому Ионе подражала, ревнуя о возвышении духа.

Себе же для изнурения плоти собрал из сосновой клепки Иона ушат на шесть ведер. Проденет в проушины вагу да попросит кого-нито из монахов помочь ему — в пояс низко поклонится. И принесут от родничка лесного воду сладкую к себе и в киновию, братии, странникам и паломникам на потребу. С молитвой, так, знаешь, и легко. Идут себе лесной тропой по камням, по кореньям. Несут ушат шестиведерный — подушка не всколывнется, столь смиренно да плавно ступают. И читают из Ефрема Сирина седмицу за седмицей. Напоследях воспоют сугубую похвалу орудию страстей Христовых:

«Слава тебе, слава, святой Господень Крест! Честной, животворящий, водружен ты посреди Вселенной, насажден на месте лобном, произрастил грозд жизни вечной. Сим оружием святым расторг Иисус Христос утробу зла и уста диаволу заградил — о, безмерная, несравненная благодать щедрот Божиих! Слава его человеколюбию, и поклонение ему, и держава его — во веки веков!»

И скажет преподобный Иона Яшезерский, святой чудотворец, кратко, кротко: «Амины!» Да и взойдет под сень старой ели, в келейку свою поддревесную, в кущу зеленую. Ведь он и состарился там, под матушкой-елью. Еще и возвеселится, бывало: «Да мне здесь — рай суший, детушки! У меня над головой птицы гнезда вьют и детей выводят. Внизу — малые пичужки, а что выше — то и больше. На макушке, в развилке — серый коршун много годы гнездо блюдет, округу облетывает. А никого не забирает из околных, да я и ему рад. Тут и белочка со мной посидит, тоже Бога от сердца

похвалит. Да и горностайка беленький. Вчера, знаешь, скажет, и опять медведушко пришел, лапищу космату протянул... А не тронет сроду. Ушел от меня с благословением и с мякушкой — хлеба караваем».

Медведь — он тот же человек. Преподобный Иона Яшезерский чудотворец с ним не одиново беседы беседовал. Наши старики вековечные, знаткие сказывали: однажды леший увидел на болоте, как старик со старухой клюкву на кочкарнике болотном обирают, на четвереньки становясь. Он, знаешь, бес лесовой, и обратил их в медведишек. От них пошел зверь боровой род вести.

Да это ведь — охотники и теперь знают у нас в Горнем! — и кто хочешь может в медведя оборотиться. Только слово знай да, ставши на мишкину шкуру, три раза через голову овернись. Тут-ока сразу, конечно, с избы дверьми, со двора воротами — да и в темен лес подале беги. Чтобы псы деревенские не учуяли, не пожелали бы за гачи схватить. Ну, у нас чего только и не порасскажут! Не всему верь.

Одно справедливо: мы, вепсы, — от веку лесной народ, вольный. У нас хоть многие и в Питере подолгу живали, в иных городах — аж до Киева! — мостовые мостили, тесали камень для дворцов, хором и храмов. А сердцем все едино — охотники вековечные. У открытого огня в лесу нам любо. И не хуже преждебывшего Барда, первого вепса, и святого преподобного Ионы Яшезерского чудотворца голоса леса слышим и понимаем, радуясь сердцем.

А святому Ионе Яшезерскому чудотворцу, отцу нашему, молитвеннику и пред Господом за нас, вепсов, предстателю — слава вековечная, хвала и исполать.

КАМЕНЬ МНОГОЦЕННЫЙ

Сказание о преподобном Афанасии Сяндебском чудотворце

I

Мала была келья и бела. И старец согбенный, ветхий деньми в ней — бел, как лунь. Только глаза младенчески ясны и ярки у него.

Отрок же, предстоящий иноку за простым сосновым аналоем, был станом тонок, и голос его чистый звенел гусельным звоном. Когда он возвышал звук, читая хвалу — акафист святым, старик неожиданно легко поднимался со своей скамьи. Ибо от веку, издревле велено православным петь и слушать эти песнопения — стоя, с открытым слову разумением, сердцем и чистой душой.

Шуршали громко переворачиваемые пергаменные страницы «Четьи Миней» — книги житий. Раскрылена она под светцом кованым, держащим ровно горящую, прозрачную, словно солнечный луч, слонстую лучину. Пылал огонь, и распевные падали слова, погребывая, посвечивая самоцветами. И чуть алеки скулы у келейника-корелянина, взблескивали карие глаза в узких, лоплянского разреза глазах, какие часто бывают у карелов, веками живущих в близком родстве и соседстве с саамами.

— И есть на востоце солнца страна велика, нарицаема Индия. Многона-родна она. Великими богатствами, сладкими плодами земными паче многих иных стран света преизобильна. И городами славными, и селами шумными украшена. И окружена богатая Индия пучинами морей неоглядных. Земля же ее приближается к пределам Персиды.

Светловидный юноша читал, иногда встряхивая головой, чтобы откинуть со лба прядь прямых черных волос, блестевших до синевы, словно сорочье перо. Он водил тонкой, холмогорской резной работы костяной указкой по странице, разбирая мудреные титлы и словесную вязь с немалым трудом. Но всякий раз, когда поднимал глаза на внимавшего ему монаха, старец кивал ему терпеливо и приветно. Учитель одобрял и прочитанное древнее сказание, и чувство, вложенное в текст чтецом искренним и чистым сердцем.

— И родился в той стране чудной царю сын. Наречено бысть имя ему Иоасаф. И был тот отрок зело красив, красносотрителен. Безмерная его краса предзнаменовала от младенчества будущую по истечении лет и еще большую красоту душевную, чистоту духовную. И собрал царь индийский многих премудрых волхвов от разных земель, ближних и весьма отдаленных, лежащих за морями. Скликал и звездочетцев, живущих в пустыне. И спросил их царь индийский: «Что будет с родившимся на свет младенцем, когда войдет он в совершенный возраст?» И они, поразмыслив, отвечали, склонив головы в тюрбанах из драгоценных шелков: «Быть ему более всех царей, царивших прежде него».

— Чти, дитя, пусть и не столь велегласно, громко, но так, чтобы всякий глагол вошел тебе в сердце, остался в памяти,— сказал инок, кротко улыбувшись старательности послушника.— Что же сказал на то премудрый и славный царь индийский, отец царевича Иоасафа?

— Но царь склонил главу с печалью, ответив на сие пророчество так: «Проще частым неводом воды зачерпнуть и вымыть добела черные плиты моего дворца, чем изъять порок, издревле внедренный в душу человеческую. И среди многих других пороков особенно страшна и неистребима суетная гордыня людская».

— О том же, вспомни, сказано и у Иоанна Богослова! Но чти дальше.

— Премудрейший из сарацинских звездочетцев сказал: «Царю! Возрастет отрок сей прекрасный не в твоём пребогатом царстве, но в ином, несравненно большем и преизобильнейшем. Думаю, примет он гонимую ныне христианскую веру. И, чаю, не солжется мое предсказание».

— Помянув имя Христово, осенёй, чадо, себя крестным знамением! — повелел юноше-келейнику игумен, старец Александр Свирский. Ибо это о нем и его ученике, будущем святом подвижнике, преподобном Афанасии Свирском чудотворце держаем мы вести речь. Уже при жизни своей, как было уже сказано, чтился преподобный Александр как святой, препровождая дни жизни своей в суровом подвиге постничества и молитвы.— Не забывай о том и впредь,— продолжил начальный инок, наставляя отрока, еще не принявшего чернеческий сан.— Хоть и о давних, давних временах изглашает весть читаемая тобой повесть, но ведь один Господь, одна вера, одно и крещение святое — на все времена. Один, дитя, для всех — Бог. И Отец один на всех нас, сирот. Он надо всеми, и через всех, и во всех нас. Он, как говорят Отцы нашей Святой Церкви, есть глава тела Церкви. Он — начаток, первенец всех мертвых и живых — ибо нет для него ни живых, ни мертвых, но все — живые. Ему принадлежит первенство во всем, сказано у апостолов. Ну, все ли понял из реченого?

— Нет, отче! — честно отвечивал смуглый отрок.— Темен мой разум.

— Исполать тебе: прям ты, простосовестен. Возлюбил тебя Христос. Молись, и поможет тебе Царица Небесная, и наставит, и просветит.

И оба они — старый и малый — встали перед киотом на полунощную молитву.

II

И еще день прогорел, и вновь после вечерней службы во храме раскрыли, исполняя монастырское правило, «Четьи Миней» святой старец и отрок-кореянин.

— Но не восхотел царь индийский,— зажили в белой келейке звонким голосом произносимые древние слова,— чтобы сын его возлюбленный, прекрасный, чистый просветился Христовым именем. И вот соградил царь высокие палаты цветного камня, пышные храмы мраморные. В храмах же и в палатах возвысил языческих страшных идолов. Ведь хотя и была просвещена Индия через

апостола Фому, но не до конца. Осталось еще в ней нечестие и беснование, и кумиры злообразные торжествовали: многие бо там держались языческих прелестей.

И воспитал царь индийский сына своего так, чтобы не видел он горестей жизни. Научен был царевич Иоасаф всему индийскому, эфиопскому, персидскому знанию. Но не ведал, что есть на свете скорби, печали. Не знал и о болезнях, смерти, холоде и гладе...

— Да как же то могло статься, отче! — вскинул взор на своего наставника отрок.

Перед его глазами встали картины детства. Родная деревушка севернее Олонца. И дикое заболотье, суземье не спасало от набегов кровавых руочи — собак шведского короля, чуть не всякий год приходящих на поживу и кровопролитие в мирные карельские села. Тяжкий труд сызмалу. Хвори людей и страдание животных. Все это было — казалось, вечно, изначально! — частью повседневной жизни. Иначе и не мыслилось...

Солнце, упавая за лес, послало последний луч свой в красный угол и оживило лики икон, зажгло блистанием цепочку лампады, медный бок ручной кадилницы... Добродушно посмеялся инок простоте деревенского паренька — а сердце его сжалось: видно, несхожа была с Иоасафовой жизнь корелянина... Хотя в здешних старинах поют певцы о неведомой, прекрасной стране и называют ее то Индией, то Корелой пребогатой и преславной...

— Языческий царь-от. Жил в давние веки. Да и не в Сяндебе твоей, не в Кукшегорах! Да и то сказать — отец. Хотел чаду своему беспечального, безбедного жития. Ан не уберегся. Увидел впоследствии Иоасаф и прокаженного, и бедного. И покойника во гробе увидел же. И тем еще более сокрушил себе сердце. Вот отсюда чти, отрок, Повесть о просветившем Иоасафа святом человеке.

— И был в то время старец премудр, в добродетелях совершенен. Именем же — Варлаам, саном — священник. Жил о ту пору в пустыне, как схимник. Наставляемый божественным откровением, узнал Варлаам о сыне цареve. И вот — вышел он из пустыни. Изменил свои суровые одежды многошвенные на одеяние богатого купца... Отче, что есть — «многошвенные» одежды?

— На карельском наречии будет — рибуши рваные, лоукокас... По-нашему — сходно: рубище заплатанное, во многих латках, лоскутьях.

— Вшедши на корабль, пришел тот Варлаам в Индийское царство, к высоким палатам царевича Иоасафа. Но суровая стража его не пускает...

— Слышу сомнение в голосе твоem, Афанасий. Хорошо ли, мол, праведно ли поступил преподобный Варлаам, придя к чужому порогу, изменив облик, в ином, не своем обличье.

— Читаешь ты в сердце моем...

— Раскрыто твое сердце по юности и чистоте твоей. И не надо многой мудрости, чтобы читать в нем, как в книге! — улыбнулся белый старец. — Но — о святом Варлааме. Еще древний философ Диоген, живший за четыреста лет до Христа, премудрый аскет, утверждал: «Благородны те, которые презирают богатства. Славу и пороки, убожество и бесславие ставят ни во что. Не смущаются приближением и болезней, и самой смерти». И вот, презирая богатства и почести, единственно ради просвещения верою облачился Варлаам в чуждое ему одеяние. Зато — и это заметь, запомни! — не изменил своей правде, а изострил ее. Читай. Учись апостольскому служению Господу нашему Иисусу Христу у древних христиан.

— Вот приступил Варлаам к воротам. И сказал он царедворцу, преступившему путь его: «Я купец из дальних стран. Ты же, вижу, муж мудр и смыслен гораздо и вельми. Вот, взгляни, камень драгий, многоценный. Хочу войти к царевичу прекрасному Иоасафу. Отдать ему заморское сокровище».

Царедворец же, задрожав от алчности великой и неуголимой, спросил, велик ли камень и сколько стоит.

«Бесценен этот самоцвет,— сказал мнимый купец.— Подает он слепым — зрение света, немым — звучное глаголанье, недужным — полное и всеконечное здравие. Просвещает, умудряет безумных. Бесы от него бегут, истаявая в волшебных лучах свечения сего минерала», — склонил голову Варлаам.

«Ты человек старый, а хвастаешь безмерно! — возразил царедворец.— Видывал ведь я и камни драгоценные, многоцветные. Испускали они лучи свои, словно само блистающее солнце. Видел и жемчуг бурмицкий, скатный — скатывается он по шелку, ибо кругл! Таят в себе жемчужные зерна искры живые. Видел я и у себя имею переливчатый цветной бисер. Хороши они — но той силы, о которой ты говоришь, не имеют минералы. Ну-ка, покажи мне свою драгоценность!» — протянул вельможа индийского царя руку, усаженную перстнями многими, к мнимому купцу, святому и праведному Варлааму.

Но Варлаам отошел от него за колонну цветного мрамора.

«Сила камня того многоценного такова,— отвечал нищий пустынный, сильный лишь верою во единого Бога,— что не может видеть блистания сокровища сего тот, кто не имеет здорового зрения. Ты же, взглянув, ослепнешь тотчас и навеки. Ум твой изгаснет. Боюсь, преславный царедворец, показать тебе камень во всей славе его. Дурные от лицезрения его дуреют более. Так же, впрочем, как и мудрые — мудреют... И того свойства камня не скрою пред тобой. Хочешь ли теперь видеть многоценное сокровище?»

«Верую твоему слову, чужеземец. Многими нечестивыми делами осквернен я. Отвести же тебя к царевичу Иоасафу — не обленюсь».

Отворились тяжелые ворота — одни, другие, третьи. Пройдя же через три изузоренные башни, поднявшись по лестнице — холодный мрамор обжигал босые ступни ног купца, оставившего туфли свои, по здешнему обычаю, у входа, — вошел Варлаам к сыну цареву. Поклонясь ему, приветствовал мудрыми, сладкими словами. Царевич в нетерпении спросил купца о камне пресветлом, пречудном.

«Я слышал о его необыкновенных свойствах!»

«И камень бесценный узришь,— пообещал иноземец.— И зарею нового света просветишься навеки. И сам светочем станешь иным многим, и многие вкруг тебя спасутся».

Отверз Варлаам уста свои благодати Духа Святого. И начал апостольскую проповедь, сказывая пресветлому царевичу индийскому, чтобы он узнал твердое основание учения, в котором был наставляем. И открылись Иоасафу в высоком его тереме истины о едином Боге, все сущее сотворившем.

И пошли дни за днями.

Царевич оставил пиры, и забавы, и конные ристалища, и пышные процессии.

Прилежно слушал он старого Варлаама, и тот рассказывал ему обо всем, что содеялось по сотворении мира.

О преступлении Адамовом и об изгнании его из рая.

О праотцах и пророках.

О воплощении Сына Божия в Пречистой, Пресвятой Деве. О вольной его смерти и о воскресении. И о Преображении Господнем.

И о Святой Троице рассказал Варлаам юноше. И о Крещении, и обо всех тайнах святой веры, яко же о том пишется в истории святого Иоанна Дамаскина. Варлаам же был премудр зело, и смыслен, и в Писании искусен. Притчами же и подобиями вещей суть извлекая, изъявляя, красными повестями, сладкими вещаниями словеса украшая, умягчал аки воск сердце сына царева, святого Иоасафа, который внимательно и сладко его слушал, глядел не мигая. И подобию тогда царевич, в умилении подумал Варлаам, пчеле сладко дремлющей, испивающей нектар во благо себе и иным.

«С самого начала своего служения избрал Иисус Христос для проповеди о нем всем народам святых апостолов,— сказал Варлаам. И продолжил по Евангелию: — «И поставил из них двенадцать, чтобы с ним были и чтобы посылать их на проповедь. И сказал им: идите по всему миру, проповедуйте Евангелие, Святое Благовествование всякой твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет. А кто не будет веровать — осужден будет».

Шуршали старые, иссохшие листы пергаменной книги, дух горячей сосновой лучины и ладана наполнял келию. Голос отрока звучал и горячо и страстно, он сам переживал происходившее некогда с юным царевичем и — дивно! — будто перевоплощался в мудрого наставника его, ветхого телом, но могучего духом старца Варлаама, раскрывающего перед юным язычником сокровищницу Христова учения, блистающего, словно изумруд и алмаз крепчайший.

В косивчатом окошке кельи сокрылся во тьме бор. Глубокая пала ночь — лишь налетевший дождь тысячью перстов вдруг ударил в слюдяную околенку. И дневное монастырское правило старец завершил молитвой к святому угоднику Божию Николаю, святителю Мир Ликийских — за тех, кто странствует и в морях зыбучих, и во темных лесах, и на путях-дорогах земных.

И после того старец благословил послушника на тихий сон, коего оставалось им до утренней молитвы совсем немного: скоро, скоро воспоют в ближней слободке петухи, а на звоннице заговорят колокола и древние, из осины вытесанные, гулкие била.

III

Но Андрей еще долго, долго не мог уснуть, ворочаясь на лавице в тесном чуланчике, выгороженном в келье. Рассказы о дивном царевиче благоуханной, чудесной страны Индии, о праведном преподобном старце Варлаамии, его наставнике, возродили и многократно усилили, укрепили в юноше мечту о монашеском постриге, о служении Господу.

Вот грядет день назначенный. Новыми гранями многоцветными воссияет для новоначального инока таинство Веры Христовой. Откроется несказанная высокая его красота и премудрость глубокая. И вот, возмечтал юношеским сердцем, усмотрев в послушнике благое произволение, игумен, по совету с братией назначит день пострижения. С радостью и умилением о Господе воспримет он, Андрей, эту весть.

Тогда отведут его в особую келью, и здесь проведет он ночь перед пришествием новой жизни своей, увенчания новым же именем и саном ангельским. Киновиярх изберет из братии старца, который смог бы наставить юного инока на путь спасения души.

Открыть ему тайны учения о вере и нравственности.

И о покаянии.

Напомнит о святых обетах, данных иноком, еще и еще! И поможет исполнить их верно.

И даст правила строгие, веки нерушимые. О ночных искушений побуждениях. О соблюдении чистоты телесной. Даст наставления и на случай страхований ночных, пришествия бесов окаянных. И научит, как надлежит пребывать в келье с братией, отнюдь не оскверняясь скверными помыслами и словами нечистыми.

И о том есть в обиходе киновий древние поучения инокам. Писания святых Ефрема, Исаака Сирина, иных — от времен еще первого монаха, египтянина Антония Великого, даже и до наших дней. И вновь паки и паки воспоминает Андрей наставление старца своего, преподобного Александра: инок — зеркало самого Иисуса Христа! В зеркале его облика отражаются те ли, иные черты Богочеловека. Лик Царя Небесного является миру в тех, кто носит на себе чин ангельский.

Долго не мог уснуть на узкой лавке в чуланце малом при келье юный послушник, возбуждено было его сердце и встревожена душа чтением вечерним, молитвой полуночной... И сам себя вопрошал он, строго и учительно. Сам же отвечал терпеливо, словно наставляющий малоосмысленных.

Кто есть Господь наш Иисус Христос для мира? Кому мы, православные христиане, наследуем и следуем?

Он — и пророк, и проповедник.

Иисус Христос — и Глава Церкви, таинственный горний Учитель не от мира сего. Он — Мудрец и Служитель Истины, данной Богом Отцом народу своему. Он — Обличитель и Мученик. Он испытал скорбь Гефсимании, муки Голгофы. И той болью земной очистился. Воскрес после Успения. И преобразился, смертью смерть поправ.

Он — Сын Человеческий. Защитник людей. Спаситель их.

Рядом с ним навеки воссияла материнской любовью и светом жертвенным его Пресвятая Мать, Царица Небесная.

И тут вспомнилось Андрею родное село Сяндеба и мать его — такой, какой бывала в страду, в лаптях, изодранных стерней, и с острым серпом в руках. Немного всплакнув, он задремал...

IV

— Восстань, отрок.

Звал старец молодого послушника негромко. Но слабый голос его был так восторженно звонок и чист на сей раз, будто принадлежал юноше во цвете лет, процветшему радостью минуты. А было еще очень рано, за окном темно и колокола на звоннице еще не отрясли с себя обильную росу.

И Андрей, проникнутый необыкновенным волнением и внезапной радостью, поднялся с ложа, надел свитку и отворил дверь в келью. Неяркий свет раннего утра, лившийся через косивчатое окошко, показался ему златокованным потоком, заливающим жилище строгого постника. Юноша подошел под благословение к своему наставнику и склонился перед ним.

— Сейчас, Андрей, приуготовься, — услышал он спокойный глас. — Будет нам с тобой чудное, благолепное посещение. Воззри, запомни. Иным расскажи, что видел. Свидетельствуй, чадо, по прошествии и многих, многих лет, о предстоящем нам с тобой видении, великом и славном чуде.

Они оба — старец впереди, Андрей же вослед — вышли и пришли туда, где заложена была каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы и куда вела, влекла их неведомая сила, куда призывали Ангелы небесные.

В глубоком молчании были высь и твердь. Тихо, недвижно стояли, скрестя руки на груди — долони на раменах — старец с молодым своим келейником. И Андрей, чувствуя торжественность минуты, вновь и вновь повторял безмолвно то, что слышал ополночь в сокровенном разговоре со своим учителем. И сказанное тогда, в час, предшествующий молитве, представало особенно значимым.

— Кто поверхностное имеет зрение, воспринимает лишь внешний образ. Поступать же следует так: внутренним зрением нужно увидеть скрытое внутри, определив умным взором, ценно оно или нет.

— Никогда не стремись достичь невозможного. Не жалея о том, что миновало и не вернется. Не верь соблазнительным речам, посулам. Помни эти три заповеди крепко, нерушимо. И если будешь тверд, придешь к совершенству.

— Привязанные к удовольствиям этой жизни, насладившиеся ее прелестями, радостями, те, которые вечному, надежному предпочитают скоропроходящее, непрочное, подобны человеку, имеющему трех друзей.

Из них двоих он дружески почитал, принимал с любовью. Говорил им сердечно, что встанет за них крепко, до самой смерти. Третьим же своим другом, скажем с печалью, пренебрегал явно. Не уважал. Не утомлял достойной чести.

И первый друг — это богатство тленное. Другой друг — семейство кровное. Третий же, мимо которого нередко проходим равнодушно, — это Вера с ее Надеждой и Любовью. А ведь они — суть всех наших дел. Изначальная основа жизни христианина.

...Так воспоминал Андрей. И, чувствуя важность минуты, молился с сердечным умилением. Когда же поднял взгляд на старца Александра Свирского, то увидел, что лицо его залито слезами и светом горним.

Теперь и юноша увидел явленное старцу. На алтарном месте будущей церкви, на грубо отесанном белом камне, привезенном издалека, с берегов Онеги-реки, сидела, чуть касаясь тверди, Пречистая Богородица. И на коленях ее играл и тянулся руками к людям Святой Младенец, Светоч Мира, Перл Истины.

Над Матерью и Сыном клубилось множество чинов ангельских — ангелов, херувимов, серафимов. Одесную же и ошую Девы обретались небесные архангелы, блистающие золотыми доспехами, шумящие белыми, как снег, крылами. То были архистратиги Небес, его Воинства.

Преподобный пал на колени, плача от радости лицезрения вышних сил. Богородица ободрила его и благословила обитель, Александром основанную, простирая тонкую светлую руку, выпростав ее из багряного омофора с горящим на шелке золотым узором.

И встав рядом, плечом к плечу, молились долго, сладостно, умиленно старец и юноша. До самого часа святой утренней службы во храме была их молитва и длилась, продолжившись, в церкви.

V

— О, благословенна ты в женах. Ты одна утешала печаль Евы. Одна отерла слезы рыдающей, понесла цену искупления мира. Ты получила для сохранения сокровище, драгоценнейшее жемчуга. Ты одна, о Пресвятая Дева, приняла во чрево без вождления, родила без мук...

Уже утренние птицы проснулись, запели в ветвях березы над старой, маленькой кельей отца Александра Свирского. Легкий пар завис над озером Рошинским. Звонче зажурчала вода в заплотах монастырской мельницы. Ранняя, летняя вставала заря, и мир на глазах молодец, наливался теплом и силой для жизни.

Еще тих был монастырь, далеко за полночь успокаиваются на своих узких, жестких ложах монахи. Лишь страж ходил по деревянной стене, неусыпно постукивая в колотушку. Но все так же чист, свеж юношески был голос престарелого отца Александра, восторженно взывавшего к Богородице.

— О, благословенна ты в женах. Благословен и плод чрева твоего. Он плод, но не семя. Цвет, но не страсть. Сияние, но не тварь. Сопрестольный, но не меньший. Солнце, а не прах. Поклоняемый, а не сотворенный. Цена избавления, а не долг.

— О, Богородице, Дева Пречистая! Благословенна ты в женах. Благословен плод чрева твоего...

Небо, раскрывшись над Русской землей от окоема до окоема, сияло. Легкий, чистый звук колокола на монастырской звоннице родился полногласным, всеильно поплыл над лесными озерами к Свири и Ояти, разливаясь вестью о новом чуде, процветшем на Святой Руси, явлении Царицы Небесной, Пресвятой Богородицы старцу Александру Свирскому чудотворцу и келейнику его, юному послушнику Андрею. И это был знак того, что старец, и до сего

момента почитаемый святым, становился теперь светочем земли Русской — вослед Сергию Радонежскому, соловецким подвижникам, преподобным Зосиме и Савватию.

И благодать чуда коснулась судьбы молодого корелянина.

VI

В тот памятный православным христианам на Руси день игумен объявил отроку Андрею Корелянину о том, что пришло время его пострижения во ангельский чин.

И с новым усердием стал читать Священное Писание молодой послушник, в редкие же часы, свободные от исполнения сурового монастырского правила, вновь разгигал «Четыи Минеи» — любимую повесть о житии и подвигах царевича индийского святого Иоасафа и старого его учителя, преподобного Варлаама. И святой Александр Свирский с отеческой нежностью взирал на отрока, прозревая в юном корелянине черты взыскующей истины честной и крылатой юности.

...Иоасаф, расставшись с Варлаамом — ибо приходит такая пора всем учимым, — сыновней любовью, духовной проповедью, добрым примером обратил отца своего, царя индийского, в христианскую веру. И как преподобный Варлаам ему, так он отцу своему открыл таинства веры православной и ко святому крещению привел, и сам отца, его во плоти родшего, от святой купели восприял. Дело дивное, новое! Отцу своему во плоти стал святой Иоасаф ходатаем духовного рождения.

И вот, внимал прочитанному келейник, преисполненный радости близкого уже вступления в иноческий сан, по прошествии лет Иоасаф затосковал по Варлааму, указавшему некогда юному царевичу путь обретения камня многоценного, венца светлого — веры христианской. И пошел он поклониться Варлааму, и нашел его жилище в пустыне палящей. Не сразу узнал Варлаам царевича в страннике. Путник был черен от солнца, щеки его ввалились, впали глаза в глазницах, длинными власами оброс. А узнав своего ученика, вознес молитву Варлаам, благодаря Господа, и лобызал со слезами, и обнимал, и прижимал к сердцу Иоасафа, и вновь благодарил Господа за это свидание на свете сем Варлаам.

Более они уже не расставались — даже и после преставления. Похоронили их рядом, и вместе же по прошествии лет обретены их святые мощи нетленными, благоухающими. И упокоились они в индийской земле возле церкви, которую некогда соградил святой Иоасаф.

— Взяв убо их честно, принесе из пустыни в свое отечество и в церкви, что святой Иоасаф создал, положили, славящи Бога во Троице. Ему же и от нас — честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Прочитал последние слова Честного Жития келейник и устремил на учителя своего взгляд, исполненный любви, признательности, прозревая в нем такого же доброхота и ходатаю за душу свою, каким был Варлаам, спасший для вечной жизни и славы царевича Иоасафа. И тогда сказал старик, не возмогший снести сияния глаз юноши.

— Спаси тебя Господь, чадо, сколь ты светел... Возвещу тебе ныне: завтра же на заре состоится твое пострижение.

Андрея Корелянина отвели в особую келью, повелевая без сна провести эту ночь — всю напролет.

Братия меж тем пала в ноги игумену Александру, прося его о наставлении новонаначальному иноку. Но преподобный молил, чтобы не возлагала на него братия столь тяжкого бремени.

— Немошен бо есть и годами ветх. К тому же — сам нуждаюсь в наставлении, руководстве.

И лишь когда братия упрекнула его в ослушании общей воле, повиновался святой инок и принял благословение на духовное руководство у духовника своего, келаря Романа: «Святыми твоими молитвами да спасет Господь, да сохранит нас от козней диавола, наставит на истинный путь».

И вот ввели готовящегося к пострижению в церковь. Совлекли с него мирские одеяния. Екклесиарх возложил на Андрея Корелянина черную рясу.

А перед золотыми царскими воротами уже поставлен аналой, на нем блещет самоцветами тяжелое, в серебряных досках, Евангелие. С тяжелым железным стуком легли рядом с Четвероблаговествованием кованые ножницы.

Новонаначального инока ввели со стороны левого придела церкви, и юноша восчувствовал на своей главе прикосновение сурового железа ножниц, хруст срезаемой пряди волос, услышал нареченное ему по уставу пострижения новое имя:

— Постригается Господу раб Божий Афанасий.

Братия же, целуя Евангелие, вновь и вновь вопрошает нового калугера о его имени. И он вновь и вновь терпеливо отвечает братии:

— Афанасий, Афанасий. Афанасий.

Впоследствии ему предстоит прославить свое иноческое имя. Юнейший по возрасту ученик преподобного Александра Свирского, уподобившийся вместе со своим учителем видеть явление святому Божией Матери, потом, вскоре после смерти учителя, вернулся на север, в свои родимые места. Он основал монастырь близ деревни Сяндеба. По имени ее был наречен и остался в нашей памяти навсегда как Преподобный Афанасий Сяндебский чудотворец, ибо, говорят, и чудесами многими украшено житие его, а после преставления тако же источали мощи его исцеления многие и чудеса благоволения.

С печалью скажем еще, что жизнь инока в родном краю не была беспечальной. Он пережил и лютые гонения земляков, пребывавших во тьме языческих заблуждений, и прямые изгнания. Были годы, когда Афанасий Сяндебский, вернувшись в Александро-Свирский монастырь, наследовал игуменский посох своего учителя, был киновиярхом. Однако любовь к уединению, суровым подвигам вновь и вновь влекла его в пустыню. Возвратившись в сяндебскую округу, исхлопотал он себе землю и устроил обитель. Воздвиг храм Богу, келии инокам. Почил в глубокой старости, упокоив душу честным житием...

А пока юный монах принимает святой постриг.

Священник призвал старца Александра. Взяв новонаначального инока за правую руку, передал его в послушание старцу со словами: «Се приемли, брате, в послушание себе брата от святого Евангелия чиста. Не токмо греси его заглажены, но имя мирское его забыто и написано новое на небесах ангельского образа».

— Так, отче! — склонил снежно-седую главу свою Александр Свирский.

— И какова его емлещи чиста, такова же чиста постави и пред Богом. Учи его прилежно молитве Иисусовой. Смирению научай. Послушанию. Всему благочинию монастырскому пусть да обыкнет.

— Так, отче! — тихо отвечивал преподобный Александр. И прозрачная от старости и поста рука его легла на крепкое плечо юноши.

— И ты, брате, имей старца сего, твоего наставника, во Христов образ. Живи у него во всяком послушании до кончины своей, ни в чем не прекословя. Всегда, всюду имей в уме своем пострижение сие, память об обетах — как ты обещался Господу Богу нашему Иисусу Христу.

— И если будешь добр, восприемлешь от Бога милость, а от нас, братии своей, святое благословение. Старец же станет молитвенником вечным о тебе Богу, и ты не забывай учителя своего в молитвах Царю Небесному.

— Если же станешь жить не по монастырскому чину, то вотще и втуне станут и все наши тебе обещания, ни во что и целования братские. И получишь ты все монастырские наказания, как и бывает у нас с бесчинниками.

VII

Миновало без малого триста лет после кончины Афанасия Сяндебского, преподобного чудотворца земли Корельской.

И вот в 1820 году сгорела церковь обители, им основанной, по его молитвам процветшей в Сяндебе, близ Олонца. И тогда с новой силой обнаружилась слава преподобного Афанасия, уже и до того времени почитаемого святым. Были обретены близ пожарища в земле нетленные его мощи. Даже разрешительная грамота и шерстяные четки — не только одежда и тело! — не тронуты были тлением.

В память о дне обретения мощей Афанасия Сяндебского правит Святая Православная Церковь память преподобного 2 мая.

В древние времена, после разрушения безбожными шведами Валаамской обители, подвизался возле Сяндебской пустыни, говорят, валаамский схимник Иринарх. Погребен он в роще близ деревни Пелти-Сельга.

На прощание же скажем от Священного Писания:

«Блаженни кроткие — они наследуют землю.
Блаженни чистые сердцем — они Бога узрят».

ВЕЧНЫЙ ДОЗОР

Сказание о девяти важеозерских чудотворцах

Сказывал древле святой Ипполит, епископ римский и мученик христианский, нам заповедал.

— Все, что сотворил Бог и Создатель наш, все, что видит глаз, о чем размышляет, горюя и процветая, душа, все, что постигает ум, к чему прикасаются руки, что обнимает мысль и объемлет человеческое естество — все прекрасно!

— Слава, слава Богу!

— Что, скажите, возлюбленные братия и сестры, что разнообразнее красоты небесного свода с мерцанием звезд его, движением светил? Что многоцветнее, благоуханнее земной поверхности, с прозябанием злаков, лоз, цветов полевых, с тварями многоразличными? Что щедрее, жизнелюбивее солнца красного? И что сравнимо с таинственным лунным блеском?.. Что прозрачнее, плодотворнее дневного света?

— И что, наконец, совершеннее человека, созданного Господом по образу своему, согрешившего и ценой страданий Сына Божиего вновь воспрывшего в надежде...

I

Поедешь от Пряжи на Олонец — и будет на полпути, у истока речки Важеозерки, старинный монастырь, а вернее — его руины. Теперь там — Интерпоселок. Лесорубы живут...

Было у нас в старые годы поверье. Ходили будто бы здесь по лесистым хребтам сельг каменных, над озерами-ламбами шайки чертей-лембоев. Тросточками тонкими, знаешь, постукивали, побрякивали. Иные же воперек тому ска-

жут: «Это рючи — шведы — набегали от ближнего рубежа. Да не с колышками-тросточками — с копьями кровавыми. Бродили тут меж сел, словно волки. Шведский обычай нам издавна ведом: разбойники. Укорот грабительству дал Великий Петр...

А как срубили хорошие люди крест у нас тут, на росстани, нечистой силе пути вовсе не стало. А потом и монастырь процвел, украсился. Великое дело с малого начинается.

Вот послушай!

II

Наехали однажды здешние, святозерские крещеные на речку Важеозерку сенокосить и скотину пасти. Поженки у них тут были, любимые сеножати. Лесовые росчисти. Хозяйка молоденькая возила копны травы на ольховой волокуше. Собирала по малым кулижкам копеночки по-за кустышками — к великому стогу. Да с коня-то и пала, досадила, беднушка, белу ноженку. Приволочилась в берестяной балаганчик. Плачет, жадобушка. Страшно ведь — ну как разболится-то! Больно и тошно ей. Глядит — пришла откуда-то и у порога встала неведомая женщина. Такая, знаешь, ростиком малешенька, платок низко повязан бордовенький. Посошок в руке. Видно, странница.

— Ты кто? — хозяйка удивлена. И про ногу-то забыла.

— Так... Хожу туто-ка через сельгу эту, каменну гору, где вы коров гоняете. А знобко, ой, знобко ночушкой! Вы хоть домик какой-нито мни-ка поставили бы там, на росстани.

А бабеночка и опять не поняла, кто это с ней беседует. Руками сплеснула:

— Да какую избу рубить тамотко! Ведь крест сосновый стоит на росстани. И медяная иконка врезана — Тихвинская Божья Матерь с младенчиком на руках.

Глянула эта святозерка зорче, повиднее — да гостью-то и признала. Хоть та на сей раз вовсе одна-одинешенька, без дитяти была. Так и обмерла, в глазах, конечно, сомутилось. Очнулась — беседницы-то и нету вовсе, только темен лес шумит, птицы перелетывают. Слышит бабеночка эта — телега по камням попрыгивает, гремит железными колесными ободьями. Ой, муж приехал! Встрету бы выбежала — ножка болит.

Вот он коня выпряг, путы на коневьи ноги надел, пустил пастись конишку. Косу с береженьем на прясло изгороды повесил. В балаганчик через порог лезет, сам весело глядит:

— Ты чего эка дика? Или напугал кто? Медведи к роднику ходят — их не бойся.

— Да-а... Не медведи — Матушка Богородица бывала туто-ка.

Наши мужики куда как спокойны — им и все нипочем.

— Чаем-то хоть напоила ли? Накормила, приветила?

— Да как потчевать стану! Нога досажена, встать некак.

А самой таково совестно содеялось! Ну-ко! Дорожного человека, странницу не посадила чаю пить. Охти мнешенько... Вот она, знаешь, ворохнулась, скраснела — а нога-то куда как здоровехонька, диво великое!

Муж, конечно, глядит на молодую жену россмехаючись:

— Давай признавайся: не хотела боле копейки возить — да и бух в пух! Ну, женка! И што тебе сказывала Богородица-то?

— А не вру вот, не вру нисколько! Велела домик срубить ей. Там, на росстани, где дороги крест-на-крест расходятся. Ой, Матерь Божья, ты мне ноженку исцелила, нисколько не больно!

Тут и мужику не в посмех стало. Он к иконам встал, помолился исто-во — и женка с ним рядом на коленочках, в красном-то углу у них там Спас

Нерукотворный стоял, святые угодники Соловецкие да святой преподобный Александр Свирский чудотворец.

— Сёгду поедем на Шуньгскую ярмарку — привезем оттуда икону матушки Тихвинской Богоматери. Ладно! Видно ты, жена, правду рассказываешь. В эком деле не врать стать. Надо срубить хоть и невелики хоромышки, да храм. Часовенку станем ставить.

Они и сделали, тамошние крестьяне, часовенку своей родовой. Соседей на помочи, как у нас это водилось в недавнее еще время, кликнули. Бору наскли самолучшего, рудового. Стены вывели и крышей окрылили. Да и со крестом, с малой звонничкой. Поставили вовсе в малое время: утром рано начали — на вечернюю службу поп приехал — освятил. У нас скажут — обыденкой.

И тут диво совершилось! Сколь годов прошло, а все рассказывают неутолимо, радостно.

Будто сели толочана — ну, соседи, которые на помочи пришли!.. У нас обыденную соседскую работу, заединый труд еще и толокой назовут. Вот сели они, а мужик-верховод, славутный плотник и возгласил: «Ну, Матушка Богородица! С новосельем тебя, Заступница наша Пресвятая. А нас поздравь с доброй толокой-дружиной, с веселой работой на общую радость. И чем-то ты нас, заединщиков, станешь нонеку угощать-потчевать?»

Его, зодчего храмового, Кононом звали, он из Заонежья бывал, славутник. От вольной мирской работы загорелся — пошучивает: в крестьянском, мол, быту толочане денег не возьмут, а угощение ставь!

А тут и телега подошла — воз икон из ближних деревень набирали крещенные на новоселье Матушке Богоматери Тихвинской. И понесли иконы те на полки-тябла ставить, где пригоже. Глядят: стоит там медяная братинка квасу цеженного в трапезной, на резной тесовой скамье, а рядышком, на полотенчике вышитом — хлебы высокие, печеные.

— Глядите-ко, ребята, чудеса — и прядево припасено! — деревенски изумлены.

Было три прястня льняных ниток. Аккурат на сетку-ловище. Они сеть связали — в нее рыба озерная повалилась, будто из куля великого, лычаного! Не поспевали и вытягивать из Важеозера. Тут, конечно, такую уху сварили — всю, какая есть в великой округе родова, два дня кормили. И потом еще долго давали рыбки соседям.

Этот обычай и теперь у нас помнят. Хорошо рыбки попадет в вершу ли, в невод — несут соседям в даровьях.

— Ой, спасибо! Да сколь много-то!

— Не мне спасибо. Поклонись Матушке Богородице Тихвинской. Ее нам великое подаренье.

III

Так в прежние годы, досельные времена срубили храминку малую на тропе лембоев, на дороге руочей, у лесовой росстани. Там, в одиннадцати верстах от монастыря. В залесье синем, суземном.

У нас в деревнях северных про Матушку Богородицу скажут — как сказку сложат. А ведь чудотворную икону Тихвинской Божьей Матери, сказывал, бывало, наш батюшка Максим, прежде всех лет написал сам святой евангелист Лука, изограф был и иконописец... И она долго стояла во цареградском храме, и много ей оказывали чести и целования всем миром во Цареграде. Перед турецким же разорением явилась она Руси над пресветлым Ладогой-озером и долго носилась над синими волнами в сиянии небесного света. Остановилась же близ города Тихвина, где и была обретена. Тут ей и соградили храм-пристанище тихвинцы. Потом встал и монастырь преславный.

Повсюду известная Кирилло-Белозерская обитель также была устроена велением и наказом Тихвинской Божией Матери.

У нас знают, помнят. Заступлением Чудотворной северные монастыри не раз отражали набеги иноплемennых, иноверных — шведов, поляков, литовцев. Тихвинская Божия Матерь вновь и вновь является нам, северянам, в разгар лета, на исходе Зеленых Святых... Случается, видят ее и на пороге осени — греющей босые ноги на теплых с лета серых камнях...

Проходит Царица Небесная тихими берегами лесных озер-ламбушек. Переступает, Матушка наша, по бревнышку утлому порожистые скорые реки. Просит помощи у крестьян. И сама помогает страждущим, обиженным — пресвятая, пресветлая заступница Руси.

IV

Первым из важеозерских чудотворцев пришел сюда к нам преподобный Геннадий.

На заре жизни, в первоначальной юности своей стал он учеником Александра Свирского, еще в те времена, когда святой Александр в одиночестве подвизался на берегах лесных озер. Принятый старцем в ученики, Геннадий всю свою жизнь отдал учителю. Под руководством его достиг высокого духовного совершенства. Был он молитвенник и трудолюбец, постник, чистый помыслами от всякой скверны. Жил здесь, на Важеозере, в пустыньке...

С благословения Александра Свирского со временем он был благословлен на уединение и долго подвизался одиноким пустынником близ монастыря Александра Свирского. Перед самым своим преставлением принял нескольких своих учеников, ставших его сподвижниками. Один из них, преподобный Никифор, основал здесь киновию.

О преподобном же Никифоре помнят: был он родом из Важеского погоста, что близ Олонца.

С малых лет подвизался Никифор в иноческих трудах, на которые благословил его светоч Севера, Александр Свирский. Отдаваясь подвигам молитвы, возложил он на себя железные вериги, которые носил на теле, не снимая.

Говорят: достигнув совершенных лет, преподобный Никифор просил у святого Александра Свирского чудотворца благословения уйти на поклонение киевским святыням. Но учитель умолил его поклониться преподобному Кириллу Новоезерскому — и дал тому письмо: «Брат мне духовный Кирилл».

— А придешь к обители,— наказал Александр Свирский,— и ты перевоза не кричи, не нарушай тишины святого места.

И вот молодой монах, придя к реке, за которой виднелись главы церквей и шатры колоколен киновии, смиренно ждал, не зовя перевозчика. Старец сам, закончив монастырское правило, столкнул на воду челнок и перевез странника на свой берег. И когда они тихо переправлялись через стрежень, небесный свет осиял их обоих.

Помолясь же усердно и обратившись к духовной беседе, старец Кирилл сказал Никифору о наставнике его, Александре.

— Издавна имеем мы большое желание видеть, приветствовать друг друга телесно. Но по Божию изволению в нынешнем веке этого не сподобимся. Увидим друг друга, когда души наши от тела отлучатся. Тогда, дитя, возрадуемся братской встрече.

После возвращения от Кирилла Новоезерского и тихого жития в обители Александра Свирского побывал преподобный Никифор в Киеве. А дни свои скончал в основанной им Важеозерской обители. Почил он в глубокой старости и погребен рядом с преподобным отцом Геннадием 9 февраля 1557 года.

Наши деды-прадеды считали, что преподобные помогают от головной боли.

Знали также, что и при жизни земной, и после преставления своего подавая людям целительную силу и являя чудеса, святые преподобные чудотворцы Важеозерские восставали противу кудесников и волхвов.

Память святому Геннадию церковь творит 8 января, святому Никифору же — 9 февраля. Господи, упокой души их с миром!

V

Святые отцы наши исполнили Божественную заповедь Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Восставили они свечу знания и веры так, чтобы светила всем славящим Бога в Православной Вселенской Церкви. Чтобы никто из нас не споткнулся, попав в потемки еретического зловерия.

Святые отцы изгоняют прочь заблуждения. Они отсекают гнилые члены. Очищают гумно, пшеницу питательных слов собирают в житницы. Солому же еретического учения выбрасывают, в огне сжигают. Вот и мы, придерживаясь дел Богоносных отцов наших, проповедуем едиными устами, единым сердцем, что они нам передали.

Так мы учим, исповедуем, как отцы нас научали. Веруем, что не собор, не царская власть, не заговор Богом проклятых спасли Церковь от идолов. Сам Господь славы — воплощенный Бог спас и освободил Церковь от идолопоклонских заблуждений. Потому Ему слава, Ему благодать, Ему поклонение. Ему хвала, Ему величие.

Как пророки провидели, как апостолы научили, как Церковь приняла, как учителя возвели в догмат, как вселенная согласилась, так Истина себя явила. Как ложь была изгнана, как Премудрость явилась и как Христос себя утвердил — так мы мыслим, говорим, проповедуем Христа, истинного Бога нашего.

Это вера отеческая — святая вера Православная.

VI

Многие веки прошли.

Вкруг Важеозерского монастыря тут у нас жили, Богу молились, душу спасали монахи-схимники. Были и русские, и карелы, и лопляне с вепсами — всяких языков добрые люди. Кормились святые подвижники суровым трудом. Горячей молитвой оживляли, окрыляли сердца, души.

Сами спасались — и возле них многие спаслись, ближние и дальние. Верующих окольных окормливали духовной пищей и хлебом насущным питали — да и язычников не отдаляли от себя из-за окаянства их, а, жалея души их, к себе привлекли добрым примером и научением. Несли Слово Божие маловерам. Узок путь, ведущий в жизнь вечную. Но всегда открыт искренним, чистым, любящим Христа.

И Бог вразумляет нас всех простыми словами своих подвижников, вечными истинами своего учения.

Господи, благослови...

Не совершай зла — и не постигнет тебя зло. Живи так, чтобы сильные не обидели, а слабые не устрашились. Ежели кто вредит тебе, уязвляя душу ли, тело, — и ты смотри на него с жалостью христианской, как на одержимого бесом. Ибо помни: это нечистый ввергся в него, несчастного. Движет им, повелевает. И гнев, если не сумеешь сдержать его, излей на нечистого. Брата же своего прости: понуждаемый бесом, не ведает, что творит.

Много добрых законов оставил нам Сын Божий, написали премудрые отцы церкви. И как на гусях не одна струна песнь возносит, но купно все струны, так исполнение не одного закона только, но всех согласно поможет достичь спасения, счастья.

Спаси, Господи, люди твоя.

И приходили к важеозерским инокам лесовые мужики, рыбаки. Приходили их жены и дети. Просили праведников: «Скажите нам, что есть счастье? Не в богатстве ли оно? Ибо вот — бедны мы и оттого несчастны».

И важеозерские старцы отвечали словом мудрости древнего царя Соломона, утешая ближних: «Ужасно бедствовать. Но много хуже обогащаться неправдой». И еще вспомнили, изрекли старую притчу: «Алчный сказал: «Мне бы каплю счастья, чем бочонок ума! И я достиг бы полноты счастья». Философ возразил: «Я был бы счастлив и каплей мудрости...»

Выслушав же мудрецов-отшельников, мужики согласились с ними, ибо и у наших дедов-прадедов живет присловье о том, что-де «Счастье без ума — нипочем». И возвратились с миром в свои залесные, суземные села, хваля Царицу Небесную за то, что не оставляет их своим призрением и любовью, посылает учителей и наставников.

Иные, ведомо, из здешних скитников прослыли чудотворцами важеозерскими, просияв зеркалами самого Христа, давая исцеление душам и телам православных христиан, а язычникам — просвещение и обретение веры. Они были в разных возрастах. Одни в юношеском расцвете сил были подобны юной весне. Другие подвизались в плодоносной зрелости, будто в щедром саду. Третьи же возвысились знанием, любовью в пору суровой зимы величавой старости. Но в их делах вновь и вновь являлся в диких здешних лесах, среди некрещеной лопи и чуди светлый лик самого Спасителя.

И вот через неисчетные годы, в лето 1852, было видение Исае-иноку. Да сказывала о том же и Евдокия-праведница, человек неложный. Будто всякую осень, как только падет первый снег на теплую еще землю, а лес обретається в листве багряной и желтой, чредою, тихо выйдут на берег Важеозера чудотворцы прежних лет.

И первым восшествует преподобный Геннадий чудотворец Важеозерский, что преставился еще во времена Грозного царя Ивана Васильевича. За ним — братия его. Видевшие сие свидетельствуют, что они узнавали преподобных Никифора, Дионисия, Игнатия, Леонида, Феодора, Ферапонта, Афанасия, Корнилия. Ведут они меж собой тихую, неспешную беседу. Выкликают святые имена. Славят Господа.

То видение было многожды обитающим на Важеозере, в здешних скитах Кескозерских: епископу Никанору, старицам Ксении, Марии, старцу Игнатию, схимнику Георгию. Случалось это и на памяти наших отцов-дедов. Вот, сказывают, дано было видеть монашествующим Важеозерской киновии, ныне и вновь созидаемой, восстающей из праха веков.

Идут неслышной поступью, проплывают в шествии своем нетленным тихой чередой чудотворцы важеозерские по-над стылыми озерами, тальми реками и ручьями подснежными. Скользят в белых одеяниях и черных. В ризах золотых и серебряных. В митрах и камилавках. В клобуках с воскрилиями. И мантий их выются и скользят меж кустышков вербы и шиповника.

А проклятым лембоям, бесам злоумным да кровавым руочи — иноземным разбойникам — сюда ходу нет. И не будет.

Вечен недреманный чудотворный дозор здесь, на краешке святорусской земли.

— Господи, за все благодарим тебя.
